

Женщина Дагестана

4/2019

ISSN 0132-7321

Русский

Женщина 2019 Дагестана

Наша Пайзат

Такой обложки у нас не было... Кажется, к 60-летию Пайзат кто-то из коллектива предложил: «Давайте напишем про Вас очерк и дадим Вас на обложке!» Пайзат замахала рукой: «Воре, воре!» Видя ее нежелание, мы не стали настаивать.

А наверное, надо было! Гораздо раньше, при жизни, наша подруга и коллега узнала бы, как ценит, любит, уважает ее коллектив; как преклоняется перед ее мудростью, стойкостью; как дорожит ее мнением.

Женщина Дагестана, горянка... Что мы имеем в виду, когда произносим эти слова? В чем их суть в меняющемся каждый день облике мира? Остался ли у наших женщин тот стержень, в котором – история, законы предков, незыблемый кодекс чести и нравственности, мудрость хранительницы очага? У нашей Пайзат он был.

Наверное, поэтому в трудных ситуациях мы, и взрослые, и молодые редакторы, бежали к ней за советом: знали – не только успокоит, поможет, научит, но и оставит при себе, не станет ни с кем делиться. В ней не было вражды, раздора, зависти; зато осадить могла так, что мало не покажется! Находила самые нужные, самые важные в данной ситуации слова, так что мы долго удивлялись: как только в голову пришло!

В журнале Пайзат Загидовна была не только замом и аварским редактором; пожалуй, ее можно назвать главным цензором. Во время редколлегий при обсуждении материала она вдруг тоном, не терпящим возражения, говорила: – Это нельзя публиковать! – Почему? – удивляется автор. – Потому что дагестанские женщины не поступают так, как ваша героиня. – Но она же поступила! Это реальная история. – Тем более не нужно, чтобы об этом знала вся республика, – таков был окончательный вердикт. И в этом не было никакого ханжества – назначение издания для женщин она видела в том, чтобы писать не о том, что есть, а о том, что должно быть. «Все это они и так знают, – вздыхала она. – Зачем еще писать?!»

Мы не пишем здесь о вехах биографии, наградах, дипломах. Не этим оставляет человек свой след на земле – память сердца крепче!

В наших сердцах она оставила свой крепкий дух, силу воли и непоколебимую веру в могущество и самое высокое назначение женщины как продолжателя и хранителя жизни.

Она оставила нам образец стержня Женщины Дагестана...

ВАМ И НЕ СНИЛОСЬ

Драматург, писатель, поэт Раисат Ибрагимова как раз из разряда личностей, общение с которыми заставляет присмотреться к, казалось бы, незаметным на первый взгляд вещам, раскрывая обычный-необычный мир, давая силы находить умиротворение в малом: живом растении, полевом цветке, нежном плоде, проглядывающем сквозь яркую листву, неповторимом пении птиц, заставляющем душу уноситься ввысь. Она и в быту такая – гостеприимная, теплая, с ней хочется быть откровенной, не опасаясь, что твои слова не так истолкуют, превратно поймут.

МЕДИЙНОСТЬ – ПОКАЗАТЕЛЬ ПОПУЛЯРНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ, ТВОРЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА, К СЛОВУ КОТОРОГО НЕ ПРОСТО ПРИСЛУШИВАЮТСЯ, НО ИНОЙ РАЗ, РАССМАТРИВАЯ ПОД УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫМ СТЕКЛОМ, ССЫЛАЮТСЯ НА НЕГО, СОЗДАВАЯ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ... С ЭТИМ НЕ ПОСПОРИШЬ.

В теплом доме, уставленном книгами, рукописями, разложенными на письменном столе, хозяйка демонстрировала мне и моей коллеге свой «зимний сад», в котором можно было снять с «грядки» помидор, срезать «урожай» свежей зелени, чтобы тут же состричь салат, сорвать с ветки лимон к чаю. «Зимний сад» плодоносит круглый год, но хозяйка не видит в этом ничего особенного и, смеясь, утверждает, что все, что занимает полезную площадь ее веранды, растет само по себе.

Но на самом деле все, что Раисат делает, наполнено такой искренней любовью, что отвечает ей взаимностью.

Разговор, на первый взгляд, незатейливый, не касающийся ни творческих планов, ни рассказов о том, как созда-

ются ее удивительные пьесы, каждую из которых можно назвать эталоном дагестанской драматургии, шел о том, что беспокоит дагестанцев, о чем думают сегодня горцы. Ее размышления содержат столь точные характеристики, психологические оценки, что удивляешься, откуда в ней такое поразительное умение чувствовать то, что волнует сегодня каждого из нас? Только ли опыт, знание жизни?

НАЧАЛО

Детство? Оно было счастливым, считает Раисат. Нет, не безоблачным, но ярким, запоминающимся. Отец Магомед Багандович сразу почувствовал в ней какой-то особенный характер,

острое желание окунуться в самую гущу жизни.

Свои первые стихи Раисат написала еще за школьной партией. Уже тогда учителя отмечали недетскую серьезность, осмысленность образов, рожденных ее воображением. Представьте, в 7-м классе ее стихи взяли в республиканский журнал «Соколенок»! А дагестанский классик, писатель Муса Магомедов, переведивший ее стихи, признался, что девочку ждет большое будущее. Будучи еще ученицей, на встрече с народным писателем Дагестана Хизгилом Авшалумовым она услышала похвалу от мэтра дагестанской литературы, напороочившего ей судьбу писателя, творческого человека. Могла ли выбрать наша героиня нечто другое, более приземленное для себя? И хорошо, что это понимали окружающие сельскую девчужку люди. Но именно отца Раисат считает своей путеводной звездой.

Педагог, судья, адвокат, а еще математик, историк, его можно было назвать человеком, которому до всего есть дело. Он обладал и литературным даром, с легкостью переводил с русского на даргинский язык советскую классику.

Отец не стал препятствовать честолюбивым планам Раисат и благословил ее выбор – Литинститут. Она же грезила творчеством, можно сказать, ею владела некая одержимость, свойственная сильным натурам. И вот юная горянка оказалась в стенах Литинститута, совершенно уверенная в том, что только здесь она должна учиться.

– Конкурс был такой высокий, – признается Раисат, – что я упала духом; мне казалось, что среди огромного количества абитуриентов столько талантливых людей, что я обязательно затеряюсь среди них.

И когда огласили результаты конкурса, отметив высокий профессиональный уровень дагестанки, сердце девушки, по ее признанию, словно на части разорвалось от счастья.

Строгое жюри посчитало, что уровень творческих работ Раисат, представленных на конкурс, соответствует третьему курсу обучения; уже на предварительном собеседовании ее похвалили за индивидуальность, яркость и метафоричность образов.

Нет, она не загордилась, осознавая, что только в начале пути, и многому училась у мэтров. Это действительно

оказалось счастьем – заниматься у классиков, имена которых раньше она знала только по учебникам. Но главное, Раисат выработала свой индивидуальный почерк, научилась растворяться в мире своих героев, близких и понятных, заставляющих размышлять, возвышаясь над обыденностью, очищаясь, приближаясь к образу человека, для которого общественное превышает личное, а чувства – то заветное, что таится глубоко в душе.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ДАГЕСТАНКА

Конечно же, она оставалась тем горным цветком, что распускается поутру робким, прекрасным пер-

ные зодчие и воины, алимы и поэты, воспевающие родной край.

Судьба подарила мне невероятное количество удивительных встреч, – рассказывает Раисат, – это были неординарные личности, мировые величины, и я ощущала себя словно в невесомости, не веря в счастье не только общаться, но и учиться у них. Я понимала, что драматургия – сложный жанр, и автор так должен выстраивать сюжетную канву, чтобы зритель мог узреть и прочувствовать то, что близко его внутреннему миру, сопереживающему, неоднозначному, противоречивому.

Этому ее учила академическая профессура, акцентируя внимание на том, что мировая литература соткана из чувств, глубоких, понят-

воцветом, выделяющимся в природе сдержанными и одновременно яркими неповторимыми красками.

Интерес к дагестанскому драматургу, удивляющему маститых профессоров тонким ощущением природы человеческих чувств, необыкновенным драматизмом, тем, что отличает большую литературу, был не случаен.

– Мне хотелось в большей степени доказать себе, что я чего-то стою, что слово мое, хоть и «не дано предугадать», но отзовется в душе не только дагестанского, но и любого другого читателя. Я мечтала открыть для всех мир крохотного горного края, на земле которого творят прославлен-

ных каждому живущему на земле. И Раисат Ибрагимова оказалась старательной студенткой, сразу попав в число творческого актива вуза. Ее можно было увидеть не только на премьерных спектаклях, например, в модном тогда театре на Таганке, но и на самых представительных творческих форумах.

Она вспоминает Шестой всесоюзный съезд советских писателей. В качестве почетного гостя рядом с ней оказалась всемирно известный итальянский писатель, прозаик Альберто Моравиа.

Это был далекий 1976-й год, период расцвета советской национальной литературы, поэтов, писателей, чьи

имена были известны на весь мир. Мирзо Турсун-заде, Чингиз Айтматов...

Она как сегодня помнит невероятно талантливого Чингиза Айтматова, писателя, чьими произведениями зачитывались, восхищались. Сдержанный, глубокий, чутко прислушивающийся к дыханию своего времени, он с философской мудростью напроорочил распад страны, смутные времена, превратившие людей в неких получеловеков – манкуртов.

На подъеме была и дагестанская литература. Гремели имена Расула Гамзатова, Фазу Алиевой, Ахмедхана Абу-Бакара. В то время писательские совещания проводились в автономных, союзных республиках, и молодого драматурга как одну из лучших студенток часто командировали от Литинститута на представительные форумы.

– Это была школа большой литературы, – вспоминает Раисат. – Царила необыкновенная атмосфера большой писательской семьи, где было закономерно радоваться удачам друг друга, вместе собираться, дружить. Вспоминаю сейчас, как сон, – улыбается Раисат. – В одном потоке со мной учились Магомед и Марина Ахмедовы; вообще, дагестанская группа отличалась необыкновенной сплоченностью,

подмостках всех национальных драматических театров, так и не стала членом Союза писателей республики, она улыбается мягкой улыбкой:

теля – быть вместе со своим народом, понятным и близким, сокровенным и созерцающим, пробуждающим высокое в душе человеческой.

Драматург, дипломная работа которой защищалась под руководством знаменитого на всю страну В. Розова, оказалась достойной ученицей.

СОХРАНИТЬ СВОЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

– Это так важно, особенно сейчас, когда видишь такие постановки на подмостках центральных московских театров, что становится неловко за своих коллег, для которых очередной спектакль – не диалог с душой человеческой, а дешевая мелодрама, пробуждающая низменные чувства, корысть, стяжательство, – замечает Раисат.

Она вспоминает свою первую серьезную работу, пьесу «По скользкой траве», переведенную драматургом Иозасом Монтевила и поставленную на литовской сцене. Это было настоящее признание ее литературного дара. Драматург взялась за серьезную проблему, пытаясь разобраться в том, что же толкает человека на преступление, где тот враждебный ген, что превращает разумного хомо сапиенса в изгоя, от которого отворачиваются, которого избегают.

Пьеса более 150 раз шла с аншлагом. Главный режиссер Даргинского театра Мустафа Ибрагимов вспоминал, как к нему с благодарностью подходили зрители, покоренные силой чувств героев, драматизмом действия. На аварский язык пьесу

дружбой, готовностью быть рядом. И так до сих пор!

А когда я спросила ее, почему она, несмотря на известность в театральном мире, в дагестанской драматургии, востребованность в авторских пьесах, которые идут практически на

– Разве это так важно? Для меня важнейшее слово, обратная связь со зрителем, то, что он чувствует, что трогает его. Я помню слова ректора Литинститута В. Пименова, известного поэта, прозаика, публициста. Он говорил о главном предназначении поэта, писа-

«Три тополя у дороги» перевела народная поэтесса Дагестана Фазу Алиева, зорким взглядом разглядевшая истинный талант Раисат Ибрагимовой. Сюжет рассказывает о матери, проводившей троих сыновей на войну. Перед уходом на фронт братья посадили деревья. Никто не вернулся с войны. И мать продолжает ухаживать за деревьями, в которые, как она верит, переселились души сыновей...

В творческом портфеле нашей героини пьесы, в которых автор прослеживает беспокойную эпоху и которые вполне можно назвать историческим документом о переломных десятилетиях конца прошлого и начала этого века: судьбоносных, раскрывающих образ человека, переживающего общественный раскол, передел мира.

«Узоры на языках пламени» – очередной поиск автора, высвечивающего время, ограниченное мобильным общением, средой, в которой так легко затеряться. По этой пьесе ставится фильм.

В 2009 году пьеса дагестанского автора была признана лучшей на Всероссийском фестивале драматургов, проходившем в Ростове-на-Дону.

Надо сказать, Раисат Ибрагимова – драматург, востребованный временем, но многое, что только предстоит подготовить к публикации, по ее признанию, пока хранится в пухлых папках.

После окончания института Раисат чуть было не осталась в Москве. Секретарь Союза писателей РФ Н. Грибачев, консультант по национальной литературе, уходя на пенсию, предложил ей свое место. Это предложение подтвердил и А. Галанов, проректор Литинститута. И счастливая выпускница побежала звонить отцу, чтобы сообщить радостное известие. Но отец настоял, чтобы она вернулась, посчитав, что дома ей будет лучше.

ГДЕ РОДИЛСЯ...

Раисат вернулась домой, устроилась на работу в Дагучпедгиз, много ездила, но никогда не жаловалась: ей нравилась работа с людьми, общаясь с которыми она наблюдала характеры, судьбы, сюжеты, которые лучше жизни никто не придумает. Этот опыт помог ей во время работы в детском жур-

нале «Соколенок». Со временем ее пригласил редактором детского вещания тогдашний руководитель Гостелерадиокомпании Магомед Гамидов. И она ни разу не пожалела о своем решении, получив новый импульс от встреч с интересными людьми, ознакомившись с нелегким, но таким интересным журналистским делом. Не часто, но она выбиралась и в Москву, где встречалась со своими друзьями, которые уговаривали ее переехать. Но Раисат всегда знала, что человек должен жить там, где родился, где живут родные люди, дагестанцы.

ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Общаться с Раисат Ибрагимовой было чрезвычайно интересно. Ее рассказы о необыкновенных встречах с необыкновенными людьми, среди которых Олег Табаков, Юрий Любимов, Владимир Высоцкий, Леонид Филатов, Михаил Ульянов, влекли интересными наблюдениями, той особой теплотой интонации нашей коллеги, оценивающей знаменитых актеров, режиссеров с человеческой, лишенной гламурности точки зрения.

– Это были люди, совершенно лишённые звездности, оставившие великими трудолюбивыми. Они сохранились в памяти как творцы большого российского кинематографа, театра, создавшие школу твор-

ческого мастерства, известную во всем мире, – отмечает дагестанский драматург.

Раисат Ибрагимова – удивительный собеседник. И о ком бы она ни рассказывала, каждый раз это тонко подмеченные черты характера, будь то известный или просто обычный человек. Каждый для нее одинаково бесценен, дорог своей неординарностью, сутью, позицией. Знаток истории Дагестана, она знает огромное количество притч, легенд, преданий, которыми щедро делится со своими читателями. Дом ее заполнен друзьями, близкими, коллегами. И всех ждут Раисат, ее дочь Лейла, такая же улыбочивая и гостеприимная, как и ее мама.

Спрашиваю, много ли у драматурга работы. Раисат улыбается и признается, что творчество – процесс бесконечный, и планов у нее множество.

– Вы даже не представляете, сколько, – говорит она, и тут же переключается на рассказ о том, что в близлежащей школе ведет драматический кружок. А мы замечаем, что с ее академическим образованием ей бы преподавать в вузе театроведение, читать лекции студентам.

Счастливая судьба? – спрашиваем.

– Счастливая, – не задумываясь отвечает Раисат. – Такая счастливая, что вам и не снилось...

Айшат ТАЖУДИНОВА

Кароль Калиновский

ЭЗЕНДА

Предлагаем вам отрывок из воспоминаний поляка Кароля Калиновского «Памятник моей военной службы на Кавказе и плена у Шамиля с 1844 до 1854 гг.», переведенных по инициативе краеведа Булача Гаджиева и опубликованных в его книге «Поляки в Дагестане».

Кароль Калиновский был сослан на Кавказ за политическую деятельность, попал в плен и почти 10 лет провел у горцев. В своих воспоминаниях пленный офицер рассказал и о своей драматической любви к чеченской девушке Эзенде.

«...**Н**адзиратель ямы, старый хромой мюрид Муса, ежедневно приносил нам пищу из нескольких хинкали и кувшина воды. Иногда разрешал выглянуть наверх на несколько минут. Пожилой

Давыдов жаловался на свое здоровье, его тело было покрыто темными пятнами из-за сырого воздуха. Иногда прохожие бросали нам куски сухого хлеба.

Меня интересовала маленькая загорелая ручка, дававшая свежие ломтики хлеба. Я всегда ждал ее и боялся увидеть лицо. Недолго пришлось ждать. Раз, сидя при открытых дверях, мы увидели знакомую ручку. Девчонка не более 15 лет, увидя нас, закрыла прекрасное лицо белой чадрой, подавая чурек моему товарищу. Ее взгляд выражал и удивление, и сожаление о том, что для меня у нее ничего было.

Мой товарищ рассказывал, что девчонка давно носит ему пищу. Она с детства перенесла много горя, которое не может забыть. Давыдов узнал ее историю от надзирателя. У здешних горцев, как и у евреев, обычай обучать с детства. Так было и с этой девочкой. Ее отец Осман, богатый чеченец из аула Малое Ведено, в одном походе против русских был тяжело ранен в голову и ногу. Упал с коня. Из-за сильного огня с русской стороны его не могли выручить. Когда русские солдаты стали приближаться к нему, Осман вверился пророку и попрощался с этим миром. У горцев не оказать помощь раненому, не спасти считается несмываемым позором. Его спас сосед из Малого Ведено Али, пренебрегший опасностью. Спас богатого соседа. В благодарность Осман решил породниться с бедным соседом.

Однако у обоих были сыновья. Сделали уговор: у кого первого появится дочь, выдать замуж за сына другого. Таким образом, Эзенда, так звали нашу покровительницу, еще до своего рождения оказалась за-сватанной за сына Али-Махмуда. Вскоре его родители умерли. Махмуда воспитали родственники Османа. С детства Махмуд рос угрюмым, держался в стороне от товарищей. Он не сумел расположить сердце Эзенды к себе. И мужеством Махмуд не обладал. Девочка со страхом думала о будущем, к тому же она его не любила. Старый Осман также переживал за будущее дочери. Переживал, что единственная дочь из-за его клятвы должна погибнуть. И сын Османа Мустафа также понимал положение Эзенды...

Эту историю я узнал от Давыдова. С той минуты я думал об Эзенде. Время в яме текло медленно. Единст-

венное утешение – короткие минуты свежего воздуха наверху и возможность увидеть Эзенду, подававшую теперь не один, а два чурека. Она скрывалась под чадрую.

Однажды меня повели к Шамилю. Подали письмо. Там говорилось, что за освобождение Давыдова могут дать выкуп в размере 2700 рублей, а пять тысяч никак не смогли собрать. Меня спросили, кто я и не собираются ли меня выкупить.

Я рассказал правду о назначении меня в армию, а выкуп за меня никто не сумеет дать. Меня слушали внимательно. В их глазах я читал жалость. Но меня снова вернули в яму. Я передал содержание письма Давыдову. Бедный страдалец обрадовался, что Шамиль примет предложенный выкуп, но Давыдов ужасно ошибся. Несколько дней спустя пришел хромой мюрид, выпустил на улицу Давыдова. Раздался выстрел. Я услышал крик Эзенды. Тогда-то я увидел ужасную картину: в нескольких шагах от безжизненного тела Давыдова стояла Эзенда, ее руки были подняты к небу... Затем она побежала в аул.

Первой мыслью было, что и меня прикончат. За мной закрыли крышу. Я остался один. Собрал всю волю. Будто увидел родные места, товарищей, школу... От этих размышлений меня оторвал стук в крышу. Я увидел несколько горцев – старых и молодых. Они делали знаки, чтобы я вышел, а я шага не мог сделать.

Старший из них с добродушной улыбкой взял меня за руку и вывел из ямы. При этом сказал, что я с этой минуты принадлежу ему, что ничего плохого с ним не будет. Я решил, что лучше погибнуть в бою, чем быть зарезанным как цыпленок. С этой мыслью я у ближайшего мюрида схватил кинжал, побежал к яме и стал в позу оборонявшегося. Мой поступок удивил горцев, затем вызвал смех и хлопки в ладоши. Старик, подойдя ко мне, произнес: «Шамиль отдал тебя мне. Ничего плохого не будет». После этого он велел вернуть кинжал хозяину, а мне самому идти за ним. Все разошлись. Я понял, что все сказанное стариком правда.

Я отдал кинжал и смело двинулся в мюридский аул. Дети еще издали пугали меня кинжалами, направляли на меня винтовки и пистолеты. Шутили. Мы вошли в бедную саклю, мне отвели угол. Дали чурек и соленый сыр и миску молока. Подкрепился. Лег на пол и уснул. Старик ушел молиться. На следующий день сквозь щели в дверях я увидел моего хозяина, его звали Пахрутдин. Я, оказывается, во сне стонал, и он всю ночь провел около меня, чтобы при надобности прийти на помощь.

Когда я исполнял «Отче наш», он не шевельнулся, что было приятно мне... После еды мы вышли со стариком из сакли и шли к лесу, прилегающему к аулу. Затем, идя по тропе, оказались в ущелье. Он показал мне на источник, откуда все брали воду. Вблизи

источника старик показал мне сухие ветки, которые надо было заготовить на зиму.

По ущелью мы вышли к речке, где имелись владения Шамиля. Я поднялся на возвышенность, где находилось кладбище, там виднелись разноцветные флажки, а за ними небольшой аул – Малое Ведено. Еще один аул за другою рекою – Большое Ведено, и гора Арсенская.

Я любовался, а старик отдыхал в тени чинары. Слушая веселые голоса женщин, я думал об Эзенде. Старик понял меня, улыбнулся. Крикнул:

– Эзенда, иди сюда!

Милая девочка стрелою побежала со скалы. Она остановилась с раскрытым ртом. Навсегда запомнил эту сцену. Они говорили по-чеченски. Я не понимал. На ее лице была жалость и слезы на глазах. Она ушла.

По дороге старик говорил: «Ты ее знаешь. Ел ее хлеб. Она видела гибель твоего товарища... Она так же несчастна. Потеряла мать. Имеет брата и отца, любящих ее. Изменить они ее не могут, не в силах. А жених смотрит на нее, как на свою собственность, ждет ее совершеннолетия».

Я каждый день делал одно и то же: вода, дрова, приготовление пищи. Варил хинкал из кукурузной муки, пек хлеб также из кукурузы. Чувствовал себя свободным, а старик был мною доволен. Уважали и соседи. Я им рассказывал о других краях через переводчика – Пахрутдина. Он был из казанских татар, служил в русских войсках до А.П. Ермолова. Позже ушел в горы и до Кази-Муллы жил в Салатавии...

У Пахрутдина я чувствовал себя хорошо. Он был благодарен мне за слушание его рассказов. Тоска по родине все-таки влияла на мое здоровье. Он стал уговаривать, чтобы я принял ислам, чтобы освободить меня из плена. Я подумал и согласился посещать мечеть и молиться. Стал изучать обряды и первые молитвы. Довольно сносно читал Коран. Все это удивило Пахрутдина. Быстрее побежало время. На одной прогулке в лес я спросил у него насчет Эзенды. Он пригласил меня посетить Малое Ведено, чтобы увидеть Османа. Через 7 верст мы стояли у его дома, а сам Осман сидел на крыльце с Кораном. Осман обрадовался нашему приходу. На порог вышла Эзенда и за руку ввела Пахрутдина в саклю.

Меня посадили около брата девушки, который занимался серебром. Эзенда готовила пищу. Что-то сказала брату, а тот на ломаном языке заговорил со мной, показал свои изделия.

Перед нами появились яичница, сыр, горячий чурек. Я сказал: «Бисмиллахи рахмани рахим». Все воскликнули от удивления. Осман похвалил. Я повторил все молитвы, что знал. Эзенда помогала, когда я ошибался. Я выдержал экзамен, старики пожали мне руки... Прощались по-приятельски. Меня приглашали еще. У них я забывал о родине и моих родных.

<...> Я поставил перед собой две цели: вернуться на родину и обеспечить себя всем необходимым и

свободой. А Эзенда должна была послужить путеводной звездой. Поэтому я решил жениться на ней, рассчитывая на будущие обстоятельства. Отец ее являлся известным в горах мастером огнестрельного оружия. Он мог бы раскрыть свои секреты и для меня. Ее брат – серебряных дел мастер, мог бы обучить меня этому искусству.

Я подумал: если стану мужем Эзенды, то, возможно, в скором времени прославлюсь как знатный ювелир, и таким образом моя жизнь изменится к лучшему.

Однако мысли о родине становились поперек всего этого.

В доме Эзенды радушно встречали меня, а сама Эзенда проявляла ко мне симпатию. Я стал у них домочадцем. Осман часто говорил со мной, удивлялся обычаям чужих народов: хвалил и не одобрял, точно отмечая добро и зло. Если домашние работы не отвлекали, Эзенда всегда была со мной.

<...> Я вошел к девушке, там все были взбудоражены: прибыл жених, злой, неприветливый, вел себя как дома. Семья Эзенды решила развязать узел, отказаться от обета, данного родителями. Это мог разрешить только Шамиль. Был назначен разбор. Перед этим у источника я встретил Эзенду. Эту сцену заметил жених.

Шамиль выслушал обе стороны и решил, что обет необходимо выполнить. На что Эзенда ответила, что она не любит жениха. Эта история закончилась тем, что Эзенда три дня не подавала ему еду, да и в постель с ним не легла. Не зная, что делать, жених приложил пистолет к груди Эзенды и выстрелил. Ее похоронили. От Эзенды у меня хранилась белая чалма. Я попросился с семьей Османа... Вечерами я тайком посещал могилу Эзенды.

<...> У меня имелся приказ князя Воронцова, где говорилось, что тех, кто возвращается из плена к своим, не накажут. Я показал пленникам бумагу. Солдаты задумались, а затем решили бежать. Мы скрылись в лесах. Шли осторожно, с оглядкой. Дошли до первого редута крепости Куринской. Вызвали часовых. Все уладили. До крепости дошли к рассвету.

Мне казалось, что я попал на кладбище: серые лица. Меня зачислили в Кабардинский полк рядовым. В 1854 году счастье улыбнулось мне: сделался адъютантом командира 1-го батальона. Товарищи меня любили... Участвовал в походах. За Урусмартаном меня ранили в голову. Наградили крестом святого Георгия. Я все время думал о возвращении на родину.

В 1855 году многие аулы были уничтожены. Меня снова ранили в руку. Я стал офицером...

В 1858 году вернулся на родину. Каково было мое состояние, может понять тот, кто 10 лет был на чужбине, кто смотрел смерти в глаза, кто тосковал по родине. В конце концов, я должен лечь в ту землю, на которой ползал младенцем».

Жанна АБУЕВА

Очень Важно успеть...

Жанна Абуева – поэт, прозаик, публицист, переводчик. Родилась 28 сентября 1953 г. в г. Буйнакске. В 1975 году окончила факультет иностранных языков ДГУ, в 1986 году – аспирантуру при Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской. В том же году защитила диссертацию по творчеству Джека Лондона. С 1995 года заведует кафедрой иностранных языков Дагестанского государственного технического университета. Печатается с 1998 года.

* * *

Я не могу счастливой быть
При виде слез в глазах ребенка.
Я не хочу счастливой быть,
Когда стреляют в оленёнка.

Ищу гармонию в мире,
В людских сердцах, в детей улыбке.
Их доброту себе беру,
Чтоб ею выправить ошибки.

* * *

Не выходя из привычного круга,
Люди теряют и ищут друг друга.
Вот промелькнула родная душа—
И ускользнула, укрыться спеша.

Носятся, носятся люди по кругу
И не находят люди друг друга,
В спешке глухой проживая года,
Жесткой бронёй закрывая сердца.

* * *

До того, как пробьет
Твой последний звонок
И придет твой черед,
Очень важно сказать,
Всем, кому не успел,
Те от сердца слова,
Что сказать ты хотел.
Объясниться в любви,
Души ближних согреть,
И допеть тот мотив,
Не успел что допеть.
Очень важно понять
Сущность истинных слов,

И достойно принять
Предков праведный зов.
Очень важно успеть
Путь к сердцам проложить,
И любовью согреть
Жизни хрупкую нить.

* * *

Живешь и дышишь прямо на бегу,
Нет времени задуматься о чем-то.
А между тем на дальнем берегу
Уж заждалась тебя твоя лодчонка.

Пока еще на привязи стоит,
Качается, готовая к отходу,
Пустынный берег тайною манит
И вдаль зовет к незримому походу.

И на бегу оглянешься ты вдруг,
Замедлишь шаг, прислушиваясь
к зову,
И чувствуя, что завершился круг,
С себя смахнешь тяжелые оковы.

Задержишься на несколько минут
И поразитесь, птицы как поют.

* * *

Я помню руки бабушки своей...
Ее родные теплые ладони
Меня спасали в сумраке ночей,
Когда во сне бежали от погони.

И благодарно-нежные черты
Лица родного в радуге улыбки,
И чувство неизбытной доброты,
Которым одаряла всех в избытке.

В просторной и заботливой груди
Большое сердце неустанно билось,
В том сердце,
преисполненном любви,
Всему живому место находилось.

Но невозможно в сердце уместить
Все горе окружающего мира,
Как мир весь невозможно охватить
Волшебным звуком одинокой лиры.

И бабушкино сердце не смогло
Вместить все зло мирское
и усталость,
И, боли переполнено, оно
Однажды утром просто
разорвалось...

* * *

Меня заморозило Слово...
Что это? Омут? Высота?
К нему я устремляюсь, словно
Оно мне друг... или сон-мечта.

Оно манит к себе дыханьем
Еще не вспаханной земли,
Оно влечет к себе дерзаньем
Вершин непознанных вдали.

О, это сладкое виденье
Никем не пройденной тропы,
О, это хрупкое творенье
Из слова – тайны для толпы!

Укажет вдохновенье путь,
Что уведет... куда-нибудь...

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

В тот солнечный осенний день коллектив нашей телекомпании побывал на двух соболезнованиях: в одной семье – перед похоронами, в другой – после.

Беда пришла в один день к двум нашим сотрудникам, близким подругам – Маржане, редактору вещания на кумыкском языке, и Асият – режиссеру монтажа. У них погибли братья.

Во дворе дома Маржаны (она жила неподалеку, и поэтому мы пошли сначала туда) уже собралось много народа. Тимур, старший брат нашей коллеги, был офицером МВД и погиб в ходе спецоперации в Махачкале.

Описать горе родителей Маржаны, потерявших единственного сына, его молодой жены и самой Маржаны, оставшейся без брата, невозможно.

В доме все вспоминали Тимура. Отлично учился в школе, отслужил в армии, получил юридическое образование в военном вузе, стал кадровым офицером.

У дома погибшего состоялся траурный митинг. Проводить в последний путь героя пришли и представители руководства республики, и главы силовых структур, и общественные деятели.

Больно было смотреть на родных Тимура – сгорбившись, в толпе мужчин стоял отец; мать с какой-то пугающей покорностью принимала соболезнования;

молодая жена с рыданиями припадала к неподвижному телу, потом отстранялась, застывала...

Маржана, увидев нас, кинулась навстречу. Что могли мы сказать ей в утешение?! Нет таких слов, которые могли хотя бы притупить страшное горе! Не увидев среди нас своей близкой подруги, она, не удержавшись, спросила: «Ася не знает?» Пришлось рассказать, что беда пришла и в Асин дом, и что мы отсюда пойдем к ней на соболезнование.

«Рамазан?» – побледнев, прошептала Маржана...

Прощаясь с Маржаной и ее матерью, только и смогли выдавить из себя традиционное «здоровья вам и вашим детям», и горько поплелись на встречу с другой бедой.

* * *

У нас на работе все знали, что Рамазан, младший брат Аси, год назад ушел из дома, точнее, уехал на отцовской «десятке», фактически угнав у отца автомобиль, да еще прихватил все денежные сбережения семьи. Ася рассказывала, что через неделю он позвонил родителям и сообщил, что уходит к «братьям», что забрал машину и деньги не для себя, а для угодного Всевышнему дела...

Во дворе и в доме стояла тишина – людей было совсем немного. Никто не плакал. На кухне суетились женщины, пахло халвой. Отец Аси стоял

с мужчинами во дворе, а мать, Асият и ее сестра сидели в доме.

Семья Асият интернациональная: мама – аварка, отец – даргинец, а говорили на кумыкском и на русском языках, как и во всем поселке Тарки, где они жили.

Ася тоже заметила, что среди приехавших на соборознование нет ее близкой подруги, и мы, с трудом подбирая слова, объяснили причину отсутствия Маржаны. В комнате повисло тягостное молчание – семья Аси знала, где служил Тимур...

Гнетущую тишину прервала мать Аси Раисат, она начала рассказывать, каким красивым и нежным ребенком был ее сын в детстве. Мы уже приготовились услышать «трогательную» историю, как хороший мальчик, невинный, богобоязненный, случайно оказался на месте спецоперации... Или юношу специально «подставили» ради очередной «звездочки» коварные спецслужбы – в общем, вариантов могло быть несколько, а суть одна: сын ни в чем не виноват и никому зла не желал. Но мы ошиблись.

Женщина неожиданно спокойно призналась: «Я знала, что он живым домой не вернется».

Она не плакала, не причитала: закрыв глаза, словно прокручивая перед собой киноленту, делилась с нами, видимо, самыми важными для нее картинками из жизни сына. «После школы увлекся бодибилдингом, мы радовались, что спортом занимается. Там, в тренажерном зале, подружился с ребятами, которые строго соблюдали исламские обряды. Стал много читать; не сразу я обратила внимание, что это не простые книги. В мечеть регулярно ходил. Нигде у меня не ёкнуло, довольна была, что не пьет, не курит, в ночные клубы не ходит...

Да нет, мы не были безучастны, – женщина как будто разговаривала с нами, хотя мы сидели молча, не шелохнувшись. – Когда он начал командовать, во что одеваться сестрам, с кем общаться отцу, не садился с нами за стол, потому что мой муж любил выпить стаканчик пива за обедом, отец вышел из себя, накричал на него. Бесполезно. С нами жил чужой человек, и самое ужасное – мы ничего не могли с этим сделать. Много раз пытались поговорить, достучаться до его души – как будто не стало этой души. Пытаюсь обнять – просто каменеет; под руками не теплое тело младшего ребенка, а какой-то сгусток напряженности и враждебности.

Женщина неловко поднялась, вышла из комнаты и тут же вернулась с фотографией. На нас смотрело обычное молодое лицо, очень симпатичное, даже приветливое.

– Муж так хотел сына, так радовался его рождению! – Она поставила фотографию на комод

и вернулась на свое место. – Не знаю, поймете ли вы меня правильно, но когда сын ушел из дома, я смирилась, уже тогда я поняла, что мы его потеряли. Сегодня мы похоронили тело сына, в котором уже давно жила чужая душа – он ведь так и сказал, что мы ему никто, что нам даже не по пути, потому что мы «неправильные», что теперь у него есть настоящие братья и сестры.

Мы слушали Раисат и пытались представить, как это возможно, чтобы дети отрекались от своих родителей, которые их вырастили, и как с этим продолжать жить родителям.

– Через месяц после ухода сына к нам домой пришли люди в штатском, – продолжила женщина свое печальное повествование, – они-то и сообщили нам, что сын значится в розыске. На него и на других участников вооруженной группы разосланы ориентировки. Нам объяснили, что если Рамазан появится дома, нужно обязательно уговорить его явиться с повинной, «хоть в живых останется». Так сказал мне один из них. Да разве я не знала, какой конец у этих историй! Окружат дом, пойдет спецоперация... У нас ведь и другие дети есть, о них тоже мы должны заботиться. Девочкам замуж выходить, свои жизни строить, – она говорила все это с каким-то жутким спокойствием, а может быть, обреченностью. Кто знает, что думала и что испытывала мать, когда обрушился ее дом, когда перед лицом смерти все становится до боли ясным и необратимым...

– Я вот думаю, могли мы принять его взгляды, его представления о том, что хорошо или что плохо? Я видела, как другие родители от страха потерять своего ребенка потакали ему во всем: матери оделись в хиджабы и дочерей своих заставили, сами начали чуть ли не пропагандировать «правильную» религию... А чем была плоха наша, старая, которую передали нам наши предки? Чем дагестанский платок моей матери хуже арабского хиджаба? Не знаю, – смолкла Раисат и застыла, опустив голову. В комнате опять воцарилось молчание.

За все время, пока мы были у Асият, никто из членов семьи не высказал даже слова упрека или проклятия в адрес силовиков, никто не попытался оправдать юношу. Мужественно и без лицемерия приняли они эту страшную трагедию, унесшую жизнь единственного сына.

Раисат подняла голову, тяжело вздохнула. По лицу женщины медленно покатались слезы, одна за другой, неторопливо, как будто жили своей, отдельной от нее, жизнью. Слезы сердца, которому и не прикажешь, и не объяснишь.

ВИОЛЕТТА РАТЕНКОВА

Если я горец, мне надо иметь
Горной природы характер открытый:
Словно ручей быстротечный звенеть,
Словно валун вековой - онеметь,
Словно вершины - в свой срок поседеть,
И не краснеть перед жизнью прожитой.

Юсуп ХАППАЛАЕВ

И НЕ КРАСНЕТЬ ПЕРЕД

За плечами у этой прекрасной женщины – долгая жизнь. В ней было все: и счастливое младенчество, и раннее сиротство, и гордость от осознания своей нужности в этом мире, и боль потерь близких, радости и разочарования, счастье и умение сопереживать... Оглядываясь на прожитые годы, Курзи Мамаевна Кажлаева говорит: «Я прожила жизнь честно, красиво и в доброте»...

Родившаяся в одном из известных тухумов Казикумуха, златокузнецов Магатаевых, она рано осталась сиротой, но на всю жизнь сохранила благодарность матери, которая не дала детям почувствовать горькую судьбу безотцовщины.

Курзи было пять лет, когда умер ее отец. Он ехал из Батуми, где купил дом и имел мастерскую, за семьей в Кумух. Уже в Дагестане, подъезжая в фаэтоне к Левашу, они встретили замерзшую и промокшую беременную женщину. Отец уступил ей свое место в фаэтоне. А сам шел рядом, под проливным дождем, простудился. Заболел воспалением легких...

– Я смутно помню, как много людей, мужчин и женщин, собрались у нас дома, как плакали мама и бабушка, – вспоминает Курзи

Мамаевна. – Повзрослев, я поняла, как трудно было маме в 24 года остаться одной. Но сколько бы ни сватались к ней, она категорически отказывалась выйти замуж.

«Своих детей я воспитаю сама!» – отвечала она каждому свату.

Вот как вспоминает об одном из таких случаев сама Курзи Мамаевна: «Мама сидела за шитьем, думая о чем-то своем, и вдруг до крови укололась иголкой. «Сейчас, мама! Сейчас перевяжу! Ничего, до свадьбы заживет!» – машинально произнесла я традиционную фразу. Мама вздрогнула. Оторвала от меня руку с перевязкой:

– А свадьбы не будет!

Бабушка вскочила:

– Что?! Как не будет?! Они вот-вот придут.

– Как придут, так и уйдут. Нет. Не хочу, чтобы чужой мужчина

моих дочерей содержал. Я сама их подниму!

Я с облегчением вздохнула. Счастливое решение мамы нас с сестрой избавило от сиротской жизни у отчима».

– Помнишь известную фотографию Камиля Чутуева «Руки горянки»? – спрашивает она меня. – Так вот, когда я смотрю на нее, я сразу вспоминаю руки своей мамы. Она ведь была золотошвейкой, во время войны работала закройщицей и швеей в артели, шила фронтовикам рубашки из бязи, фуфайки, вязала носки и варежки. А потом вместо меня, восемнадцатилетней девушки, пошла работать на строительстве оборонительных сооружений в Альбурикенте, чтобы я могла закончить учебу в педагогическом училище и стать «хозяйкой своего куска хлеба». Она была рядом со мной всегда, моя добрая, красивая, сердечная и щедрая мама. Умела приветить каждого, для всех находила доброе слово утешения или поддержки, делилась последним.

Хотела, чтобы мы с сестрой учились. И мы старались обрадовать ее отличными оценками.

Всю свою долгую жизнь Курзи прожила, сверяясь с советами мудрой мамы Рукижат, которая с детства научила ее начинать день с улыбки и считать на маленьких пальчиках, сколько добрых дел предстоит сделать малышке. Научила доводить начатое дело до конца и не хвататься за все сразу, быть рассудительной, не спешить с оценкой человека, прислушиваться к советам старших, спешить на помощь, уметь подбодрить и быть рядом в тяжелую минуту...

Благородный человек умеет быть благодарным. И когда она говорит о матери, глаза ее наполняются слезами, лицо светлеет.

Она (Курзи) взяла меня за руку и отвела к тогдашнему заведующему отделом образования Абдину Гусейнову. Он спросил, куда бы я хотела поехать? Я выбрала Ури, ведь там жили наши кунаки, приехавшие на знаменитый Казикумухский базар, куда собирались торговые люди и покупатели со всего Дагестана. Но не думайте, что так меня одну и отпустили даже в дом к кунакам! Со мной поехала бабушка! И жила там полгода, пока не убедилась, что я работаю в хорошем коллективе. Учителей не хватало почти во всех школах района, нагрузки были большие, и у меня не было свободной минуты. Но я радова-

живевича Кажлаева. Он учился в Москве на экономиста, оттуда ушел на фронт...

Давуд Кажлаев, получив контузию, был демобилизован. Вернулся домой, и его направили в Ростовский педагогический институт. По окончании работал учителем, директором школы в родном районе, потом в Лакском педучилище. Закончилась война. Давуда Гаджиевича направили директором интерната в Буйнакск, где жили и учились дети фронтовиков. В 1948 году его переводят на работу в Махачкалу. И везде рядом с ним верная подруга, жена, мать его детей – Курзи Мамаевна.

ЖИЗНЬЮ ПРОЖИТОЙ..

Курзи Мамаевна замолкает... Воспоминания... Они так живы в ее сердце! О чем она думает? Может, о том, как стрекотала мамина швейная машинка по ночам до самого утра? Или как добры были мама и бабушка к молоденьким солдатам, раздавая последнее из дома? Как приютили русскую женщину с ребенком, и мама отдала ей свои лаковые туфли с серебряными пряжками, одетые лишь раз в жизни, и свое самое нарядное «довдовье» платье? Быть может, вспоминает новогодний праздник в школе, где ее нарядили в юношу и заставили танцевать лезгинку с незнакомкой в маске, которая оказалась ее лучшей подругой – моей мамой. А может, как после окончания училища ее послали на курсы в Махачкалу?

– Я жила у тетушек, – рассказывает Курзи, – любимая племянница, и они не знали, как мне угодить, что для меня сделать...

После курсов я вернулась домой, было жарко, тяжело, добиралась три дня! Но мне везло на хороших людей, и я добралась без приключений. А 25 августа Наталья Антоновна Новикова (та самая эвакуированная из Одессы женщина с дочерью, жившая у

нас, думала, вот получу зарплату и куплю маме новые туфли, платье, чалагай и... абажур в комнату для гостей. Увы, я получила всего 70 рублей, хотя думала, что, наверное, мне выдадут, ну, хотя бы тысячу!

Как-то пришел в школу инспектор отдела образования Хамзат Юсупович Муркелинский, побывал на моих уроках и похвалил на совещании в райцентре. Тут обо мне «узнали», и в дом зачастили сваты.

Через год я вышла замуж за учителя, фронтовика Давуда Гад-

– Я прожила с ним очень хорошую жизнь. Он стал и сыном для моей мамы, и братом для моей сестры. Выучил ее, выдал замуж. Я благодарна ему еще и за то, что он поощрял мое стремление получить образование. Главными словами в его жизни были совесть и честь. Он и жил соразмерно с этими понятиями. Когда работал директором интерната сиротгорцев, я была там воспитателем. Затем его перевели в Махачкалу, в министерство просвещения и

директором лекционного бюро общества «Знание». Потом, до самой пенсии, он работал Директором Дагестанского краеведческого музея. Где бы ни работал Дауд Гаджиевич, он отдавал всего себя делу. Был энтузиастом. По крупным собирал экспозиции, объезжая ради них весь горный край. Как-то он привез необыкновенную музыкальную шкатулку. Мне она очень понравилась, и я попросила купить ее домой, но он твердо сказал: «Нельзя, Курзи, это музейная вещь, ее место в экспозиции». И забрал...

В 1953 году, окончив филологическое отделение пединститута, Курзи начала работать редактором изданий на лакском языке в учебно-педагогическом издательстве.

– Мне приходилось не только редактировать учебно-методическую литературу, но и рецензировать рукописи как на родном, так и на русском языках. Авторы, с которыми я работала, были высокообразованными людьми – писатели, поэты, ученые. И я поняла, что моих двух лет педагогического института для работы редактором явно недостаточно. С благословения мужа я поступила в университет на заочное отделение филологического факультета. Тогда же я окончила и полутрехгодичные курсы редакторов при Московском полиграфическом институте.

Полученные знания придали молодому редактору уверенности, она почувствовала, что ее образованность и профессионализм не уступают уровню авторов, с которыми ей приходилось работать. Вместе с опытом пришло и понимание того, что хорошо и методически грамотно составленные учебники играют важную роль в учебном процессе и в вопросах сохранения родных языков. И Курзи Мамаевна начала работу над методическими пособиями для учителей родного языка. Она переводила классические тексты из школьных программ, учебники по другим дисциплинам (в те годы часть предметов в национальных школах преподавалась на родном языке), редактировала и составляла книги для внеклассного

чтения. Наша героиня – автор и составитель более двадцати книг и учебников для лакских школ.

Тогда же Курзи Мамаевна начала собирать лакские пословицы и поговорки, желая сохранить кладезь народной мудрости для следующих поколений. Помогли ей в этом и мама Рукижат, и старожилы Кумуха, и мудрые аксакалы.

– Я собирала их почти 40 лет, – рассказывает она. – Одновременно записывала и народные восхваления, пожелания, – то, что мы сегодня называем тостами. Эти книги выдержали несколько изданий, дополнялись, редактировались и даже были переведены нашим земляком и изданы в Стамбуле на турецком языке.

Как рецензента Курзи Мамаевну часто приглашали в Союз писателей Дагестана на заседания лакской секции. Ответственным секретарем тогда был мой отец, Юсуп Хаппалаев. Семью Кажлаевых он знал с молодости, еще в Кумухе. Потом их дороги пересеклись уже в Махачкале. Мама и Курзи Мамаевна учились параллельно в ДГУ, мама на физмате, а Курзи на филфаке. К экзаменам по общим дисциплинам готовились обычно вместе.

– В 1961 году состоялся I Съезд молодых писателей Дагестана, – вспоминает Курзи Кажлаева. – Накануне Юсуп Рамазанович подошел ко мне на секции и сказал: «Напиши в газету, у тебя получится». Я и написала. Рассказ «Пусть не узнают». Его опубликовали в «Дагестанской правде».

Знаю, я не единственная, кого он поддержал, когда я делала первые шаги на писательской стезе. И я очень благодарна за это! Я начала писать, публиковаться. Мои книги издаются и сейчас. Но день, когда был опубликован мой первый рассказ, я не забываю никогда. Это была третья моя самая большая радость в жизни!

– Первая радость – день окончания войны! Осознание того, что люди перестали убивать друг друга, что не будет больше похоронок и плача женщин, матерей, детей. Представьте, в каждом доме – плач,

в каждом селе – плач. Ничего горше нет... Пусть не убивают сыновей никогда! – разволновавшись, восклицает Курзи Мамаевна. Глаза ее вновь наполняются слезами.

Ее вторая радость – рождение первенца, сына Магомеда. Имя талантливого художника-абстракциониста Магомеда Кажлаева известно далеко за пределами родного Дагестана и России.

Потом родилась Саида. Она врач-офтальмолог. И младший – Омар. Он строитель. Растут внуки. Один из них – носит имя деда – Давуд.

Член Союза писателей Дагестана, Отличник печати России, Курзи Мамаевна Кажлаева – автор более двадцати книг рассказов, повестей и романов. Они издавались и на русском языке в Москве, и на родном языке у нас в Дагестане. А ее книги для детей «Бидав, солнце и я», «Хорошее имя Жаннет» издавались тройными тиражами! Долгие годы сотрудничала Курзи Кажлаева и с нашим журналом «Женщина Дагестана». Ее рассказы и статьи на темы нравственности, переведенные на национальные языки, вызывали многочисленные отклики читателей. И мне, тогда еще совсем молодому редактору, она оказывала неоценимую поддержку, щедро делясь своими знаниями и опытом.

Наша коллега, писатель, журналист, редактор – в строю! В 2017 году вышел ее роман «Судьба» на русском языке.

Остается только восхищаться силой и красотой духа нашей героини. Долгие лета!

Ажа АБДУРАХМАНОВА

P.S. Для меня большая честь и ответственность писать о Курзи Кажлаевой – человеке высокой и искренней души. Её жизнь можно сравнить с движением по красной ковровой дорожке, которую стелят под ноги удачливым и знаменитым. Ее ковровая дорожка ткалась своими руками, день за днем, упорным трудом и честной благородной жизнью!

Выше облаков

Для тех, кто любит первозданную природу, лучшее место для путешествия – Куруш, старинное лезгинское селение на границе с Азербайджаном. Почти тысячу лет назад предки курушцев, облюбовав обширные альпийские луга, поселились на склонах Большого Кавказского хребта. Куруш – самое высокогорное (2565 метров над уровнем моря) поселение не только Кавказа, но и всей Европы. Как говорится, до звезд – рукой подать. Облака окутывают его как одеяло. Даже орел парит где-то внизу. А еще это самый южный населенный пункт России.

До того, как пробили в село гравийную серпантинную дорогу из райцентра Усухчай, к аулу вели лишь узкие тропы.

Чтобы попасть в Куруш, нужно направиться по Самурской долине до Усухчая, а дальше подниматься в горы. Село находится в погранзоне, поэтому заранее нужно получить разрешение и пропуск.

Свое происхождение курушцы, говорящие сегодня на лезгинском языке, возводят к прославленному арабскому племени корейшитов, к которому принадлежит пророк Мухаммед (с.а.с.).

В 1952-53 гг. жителей Куруша власти переселили на равнину: в Хасавюртовский район, на 14 м. ниже уровня моря. Но часть жителей остались в горах, отказались бросить родину.

Вокруг старого Куруша бескрайние альпийские и субальпийские луга с тучными стадами овец, жур-

чащие реки с царской форелью. Здесь пролегают маршруты туристов, альпинистов и скалолазов. Из Куруша альпинисты совершают восхождения на вершины Базардюзю (4466 м), Шалбуздаг (4150 м) и Ярыдаг (3925 м). Здесь проводила генеральную репетицию российская сборная по альпинизму перед покорением Памира. С гребня Ярыдага, словно коса девушки, падает вниз самый высокий в республике (300 м) двухступенчатый водопад Чараур. Шалбуздаг считается священной горой, множество паломников приезжает сюда ежегодно.

От терпкого сухого морозца слипаются ноздри. Дефицит кислорода придает лицам курушцев яркий характерный румянец, по которому их легко можно отличить.

Нехитрые саманно-каменные домики Куруша выстроились почти вертикальными ярусами на краю бездны в окружении величественных гор. Кое-где ограду вокруг домов заменяет ажурная кладка из кизяка. Это – традиционное местное топливо и даже строительный материал. Деревья, в отличие от людей, столь сурового климата не выдерживают и не растут здесь, лишь изредка встречаются жидкие поросли кустарника. По каменистым улочкам степенно цокают лошади – привычный транспорт курушцев.

Главное занятие местных жителей – скотоводство. Здесь содержали столько овец, сколько не было ни в одном ауле Кавказа. Даже была выведена новая, так называемая горно-лезгинская, грубошерстная порода овец, дающая незаменимую для ковроткачества грубую шерсть.

Подготовила Гюльнара АСАДУЛАЕВА

Это интересно!

ПО ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ

Многие слышали выражение «Гамбургский счет», означающее «оценивать честно, объективно, без скидок и условий». Впервые его употребил писатель и критик Виктор Шкловский в 1928 году: он опубликовал сборник статей под общим названием «Гамбургский счет». Там он рассказывает, что в Германии существовала давняя традиция между спортсменами. Дело в том, что все борцы, выступавшие перед публикой, чаще всего выполняли заказ. То есть по сути это были постановочные бои, или, как мы сегодня говорим – купленные.

Шкловский, объясняя смысл названия своей книги, писал: «Гамбургский счет – чрезвычайно важное понятие. Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера. Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы. Они борются при закрытых дверях и завешанных окнах. Долго, некрасиво и тяжело. Здесь устанавливаются истинные классы борцов, – чтобы не исхалтуриться».

Шкловский узнал об этой традиции из устного рассказа циркового борца Ивана Поддубного.

Но современные исследователи выяснили, что в Гамбурге ни один из старых жителей понятия не имеет ни о каком трактире, где борцы выясняли свою подлинную силу в честных состязаниях. Да и никаких исторических сведений по этому поводу нет. Поэтому считается, что Шкловский использовал для иллюстрации своей мысли красивую легенду.

Выражение «гамбургский счет» почти сразу стало популярным среди литераторов, а потом и вообще, в среде творческой интеллигенции. Возможно, что не менее популярный фразеологизм «по большому счету», имеющий то же самое значение, есть не что иное, как трансформация придумки Шкловского. Фраза «по большому счету» впервые встречается в романе «Исполнение желаний» (1935) Вениамина Каверина.

И ДОКАЗЫВАЙ, ЧТО ТЫ НЕ ВЕРБЛЮД...

Эта фраза стала очень популярной после выхода в свет очередной серии телепередачи «Кабачок «Тринадцать стульев». Там была миниатюра, где пан Директор беседует с паном Гималайским по поводу привезенного недавно в цирк верблюда. В сопроводительных

документах было написано: «Направляем в ваш цирк двугорбого верблюда и гималайского», т.е. фамилия пана Гималайского была написана с маленькой буквы. Боясь бюрократических проверок, пан Директор требует справку от пана Гималайского о том, что тот не является на самом деле верблюдом.

Это настолько ярко высмеивало роль бюрократической машины в нашей стране, что выражение очень быстро пошло в народ и стало популярным. Теперь мы так говорим, когда у нас требуют доказательства очевидных вещей.

ПРОЛЕТЕТЬ, КАК ФАНЕРА НАД ПАРИЖЕМ

Выражение «пролететь как фанера над Парижем» слышал каждый. Смысл фразеологизма можно передать как «упущенную возможность сделать или получить что-либо, оказаться не у дел, потерпеть неудачу». Откуда пошла эта поговорка?

В 1908 году известный французский авиатор Огюст Фаньер, совершая показательный полет над Парижем, врезался в Эйфелеву башню и погиб. После этого случая известный меньшевик Мартов писал в «Искре», что «царский режим летит к своей гибели так же быстро, как г-н Фаньер над Парижем». Русский человек воспринял данную сентенцию несколько иначе, изменив фамилию иностранного авиатора на фанеру. Отсюда пошло выражение «пролететь, как фанера над Парижем».

ДРАКОНОВСКИЕ МЕРЫ

Многие думают, что в этом выражении имеется в виду мифическое чудовище Дракон. На самом же деле речь идет о Дράконе, или Дράконте (VII в. до н.э.) – афинском законодателе. Согласно античной традиции, в 621 г. Драконта выбрали на должность архонта. Ему было поручено пересмотреть и записать действующие в Афинах законы. По его имени записанные им законы получили название «драконтовых законов». До нашего времени они сохранились не полностью. Законы Драконта славились своей суровостью и даже жестокостью. Например, за всякое воровство, даже незначительное, полагалась смертная казнь.

Подготовила ГУЛЬНАРА АСАДУЛАЕВА

Журнал в журнале

РАСЧЕСКИ И ЩЕТКИ ДЛЯ ВОЛОС

Важную роль в правильном уходе за волосами играют щетки и расчески. Служат они нам долго, поэтому, выбирая их, не стоит экономить. Поврежденная щетина, сломанные зубья или острые концы могут травмировать кожу и волосы. Необходимо избегать дешевых пластмассовых расчесок, которые сделаны штамповкой и имеют на каждом зубце проходящий по центру рубец. Они острые и постепенно повреждают волосы.

Необходимо выбирать расчески хорошего качества, из антистатических материалов, с обработанными зубьями. Для расчесывания спутанных волос следует пользоваться расческами с редкими зубьями.

Плоские и полукруглые щетки идеальны для всех операций с мокрыми или сухими волосами и для сушки с феном. Щетки с отверстиями дают возможность свободно циркулировать горячему воздуху во время сушки феном, предохраняя кожу головы от ожогов. Они могут быть цилиндрическими или плоскими. Продувные щетки имеют полый центр, что позволяет продувать через них воздух, поэтому волосы сохнут быстрее.

Пластиковая щетка с зубчиками, на концах которых сделаны специальные каплевидные утолщения. Такая щетка очень бережно расчесывает волосы и не повреждает кожу головы.

Овальную щетку для волос используют как массажную, при этом она будет хорошо прочесывать волосы.

Наиболее нежно воздействует на структуру волос щетка из натуральной щетины.

Деревянный гребень очень удобен для расчесывания сухих волос.

Круглая щетка для волос может быть с разной щетиной – натуральной, нейлоновой, пластиковой.

Такая щетка специально создана для укладки волос. Она отлично подходит для создания волн или кудряшек.

Каучуковый, резиновый гребень для расчесывания волос во время мытья.

Любую расческу обязательно следует регулярно чистить. Для этого можно использовать специальную щетку, шампунь, влажные салфетки.

Для коротких, тонких, поврежденных, а также детских волос очень хорошо подойдет нейлоновая щетка.

СОВЕТЫ ХОЗЯЙКАМ

- Говяжье мясо быстро сварится, если в воду добавить 2-3 столовые ложки уксуса.
- При выпекании мяса в духовке его поливают только горячей водой или бульоном, холодная вода придает ему твердость.
- Мясо не надо солить непосредственно перед варкой или жаркой, так как соль вызывает преждевременное выделение мясного сока. Это ухудшает его вкусовые качества.
- Мясо и котлеты кладут на хорошо разогретую с жиром сковороду, чтобы не выделился мясной сок. Нельзя полуфабрикаты выкладывать вплотную друг к другу.
- Мясо жарят перед подачей на стол для сохранения вкусовых качеств.
- Мясо будет вкуснее, если его заморозить быстро, а оттаивать как можно медленнее.
- Мясо необходимо резать поперёк волокон для сохранения внешнего вида готового изделия.
- Мясо кролика вкуснее, если его предварительно подержать 30-40 мин. в молоке.
- После рыбных, мясных и жирных блюд не рекомендуется пить холодную воду.
- Для приготовления котлет лучше всего использовать не белый, а чёрствый пшеничный хлеб, так как свежий пшеничный хлеб дает больше клейковины.
- Мясо нужно мыть при температуре 25- 30°, тогда жир хорошо промывается и не мажется.
- Мясо молодых животных используют для приготовления жареных блюд, а старых животных - для варки и тушения.
- Жесткое мясо будет вкуснее, если его перед приготовлением намазать горчицей и оставить на несколько часов.
- Вареное мясо не следует долго прогревать, так как оно теряет сочность и делается жестким.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

МОРС - один из древнейших напитков. Он очень любим и популярен у нас. Почти у каждой хозяйки стоит в холодильнике и летом и зимой полезный и вкусный морс. Это ягодный сок, как правило, разбавленный водой и подслащенный мёдом или сахаром. Впервые морс упоминается в «Домострое» (XI – XVI вв.). Название пришло к нам из Византии: «мурса» - «вода

с мёдом» искажённое латинское «мульса», что означает то же самое. Обычный морс делают из клюквы, брусники, красной смородины, малины, ежевики, вишни, хотя используют и другие ягоды. Есть «упрощённый морс» - разведенное кипячёной водой варенье. В центральной России наиболее популярен брусничный морс, считается, что он обладает ярко выраженными лечебными свойствами. 50 граммов ягод тщательно разминают ложкой, заливают стаканом холодной воды, кипятят, добавляют немного сахара или мёда, в течение 15 минут держат на медленном огне, затем охлаждают и процеживают. Очень вкусный морс изготавливают из берёзового сока, добавляя к нему треть объёма родниковой воды и подслащивая мёдом.

* * *

Пётр Первый, испытав на себе нелегкий труд моряков, более 300 лет назад провозгласил во **ФЛОТСКОЙ КУХНЕ** примат мяса над кашей, отменил сухие пайки в пользу полноценного горячего обеда, даже склонил Святейший синод отменить посты для моряков. С тех пор так и повелось, что корабельные коки готовят вкусно и разнообразно. Флот прославился своими разносолами в эпоху, когда на смену парусникам пришли броненосцы.

Офицеры к тому времени уже представляли собой особую касту - морское дворянство, и каждый норовил заказывать персональные блюда. В наше время, конечно, эти обычаи не сохранились, но коки готовят по-прежнему вкусно, правда, одно и то же на весь экипаж. Меню разных флотов имеют отличия. Например, тихоокеанцы больше едят рыбы, на северных морях чаще пекут пироги, а черноморцы не обходятся без украинского борща. Но есть в меню то, что объединяет всех моряков, - это сладкое. На кораблях готовят специальные конфеты: чернослив, курагу и ядра грецких орехов пропускают через мясорубку, массу скатывают в шарики, обваливают в порошке какао и охлаждают.

ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ОТ ПОСЕЩЕНИЯ БАНИ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ КОСМЕТИЧЕСКОЙ ПОЛЬЗЫ, НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРИМЕНИТЬ НА ПРАКТИКЕ НЕКОТОРЫЕ

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

1 Прежде чем войти первый раз в парилку, хорошенько вымойтесь под душем жесткой мочалкой с мылом, чтобы очистить поры и дать поту «дорогу к отступлению». Обязательно насухо вытрите перед входом в сауну, а волосы вообще не мочите – как следует закутайте голову.

2 Не сидите долго: если чуть застучало в висках, выходите и сделайте небольшой перерыв.

3 Оптимальное количество заходов в парилку в одно посещение бани: 4-5. В это время поры раскрываются полностью и из организма успевает выделиться до полутора литров пота

4 После второго захода можно уже принять прохладный душ или прыгнуть в холодный бассейн (кому условия позволяют, то и в сугробе (повалиться)).

5 Специалисты категорически не рекомендуют пить воду, пиво и т.д. А ведь так хочется — организм-то обезвоживается! Если уж совсем невмоготу, захватите с собой из дома немного кисельного питья.

6 Между заходами в парилку не сидите без дела. Посещение бани – это самый лучший повод поработать над своей внешностью! Вы, конечно, пользуетесь иногда скрабом для лица. Но, возможно, не знаете, что одним из лучших является гуцца от спитого натурального кофе. Захватите ее из дома в баночке и потрите ею лицо и тело, после ополосните прохладной водой. С мылом мыться больше вообще не надо, мытья перед первым заходом вполне достаточно, потом только ополаскивайтесь под душем.

7 На очищенное лицо с открытыми порами можно наложить маску из натуральных продуктов. Если на коже нет красноватых маленьких прожилков и нет аллергии, то вам не повредит медовая маска на лицо и губы — кожа после нее станет гладкой и шелковистой.

8 В распаренную кожу отлично впитываются всякие масла для тела и питательные маски для волос. Подождите, пока все эти драгоценные витамины не впитаются в раскрытые и очищенные поры, и только потом отправляйтесь в душ.

СМЕТАННИК

ИНГРЕДИЕНТЫ:

- 1 стакан муки
- 1 стакан сахара
- 1 стакан сметаны
- 3 желтка
- ¼ ч. ложки соды
- 2 ст. ложки сахарной пудры
- 1/3 часть порошка ванильного сахара

ПРИГОТОВЛЕНИЕ:

Желтки растереть с сахаром и сметаной до исчезновения сахарных крупинок. В подготовленную массу всыпать муку и соду. Хорошо вымесить и вылить в форму, смазанную маслом и посыпанную мукой или молотыми сухарями.

Выпекать сметанник при температуре 220 -230 °С.

Готовность торта определяют деревянной палочкой, испечённый торт посыпать сахарной пудрой.

КОРЖИКИ

ИНГРЕДИЕНТЫ:

- 2 стакана пшеничной муки
- 2 ст. ложки сливочного масла
- 2/3 стакана сметаны
- 2 яйца
- 3 ст. ложки сахара
- ½ ч. ложки соды
- соль (по вкусу)

ПРИГОТОВЛЕНИЕ:

Пшеничную муку просеять горкой, сделать в ней углубление, в которое влить сметану, разбить яйцо, добавить сахар, соду, соль, размягчённое сливочное масло и замесить тесто. Полученное тесто раскатать слоем 0,5 см и круглой фигурной выемкой или стаканом вырезать коржики.

Уложить их на лист, смазать взбитым яйцом, сделать вилкой несколько проколов, чтобы при выпечке не вздувались, и выпекать в горячей духовке 10–15 минут.

САЛАТ С ПЕРЕПЕЛИНЫМИ ЯЙЦАМИ

ИНГРЕДИЕНТЫ:

- 12 перепелиных яиц
- 1 пучок рукоты
- 1 пучок укропа

Для соуса:

- соль и молотый черный перец
- сок ¼ лимона
- 50 мл оливкового масла
- пучок зеленого лука (мелко нарезать)

ПРИГОТОВЛЕНИЕ:

Перепелиные яйца сварите вкрутую, обдайте холодной водой и разрежьте на половинки. Смешайте соль, перец, лимонный сок и оливковое масло. Сюда же добавьте зеленый лук. Разложите на блюде рукоту, зелень, яйца и залейте соусом.

БАРБАРИС

ЦЕЛЕБНЫЕ СВОЙСТВА

Ягоды барбариса содержат много витаминов, особенно витамина С, их применяют как желчегонное, мочегонное, слабительное средство, при цинге, потере аппетита. Используют для остановки кровотечений, уменьшения болей, воспалительных явлений. Они обладают жаропонижающими, противомикробными и антисептическими свойствами.

Сок плодов барбариса применяют как потогонное и седативное средство. Рекомендуют при заболеваниях печени, почек и мочевого пузыря, при подагре, ревматизме, простреле.

РЕЦЕПТ

Сок. Промытые плоды растолочь и через марлю отжать сок. В мезгу налить воду (на 1 кг мезги – 1 стакан воды). Нагреть до 60 °С, настаивать 1 час, отжать вторичный сок, соединить его с ранее полученным, довести до кипения. Горячий сок разлить в стерилизованные банки, закатать крышками. Принимать как желчегонное, улучшающее аппетит средство, а также при лихорадке и для улучшения кровообращения по 1–2 ст. л. 2–3 раза в день.

БРЮКВА

ЦЕЛЕБНЫЕ СВОЙСТВА

Брюкву рекомендуют при атеросклерозе и для поддержания жизненных сил, при простудных заболеваниях, кашле, недостатке витаминов и минералов. В корнеплодах содержится огромное количество полезных веществ: витамины, каротин, рутин, сахара, белки, клетчатка, пектин, различные минералы, много железа.

Полезна брюква при болезнях органов дыхания (бронхит, пневмония, бронхиальная астма, коклюш), простуде, острой респираторно-вирусной инфекции. Брюква входит в пищевой рацион пациентов с отеками нижних конечностей, связанных с заболеваниями сердца и почек, при атеросклерозе, ожирении.

РЕЦЕПТЫ

При сильном сухом кашле. Брюкву средней величины моют, очищают от кожуры, измельчают через мясорубку. Добавляют мёд в соотношении брюква – мёд: 2:1. Тщательно перемешивают и назначают по 1 десертной ложке 4–5 раз в день, независимо от еды. Смесь необходимо запивать тёплой водой.

СЛАДКАЯ ГРУША

ЦЕЛЕБНЫЕ СВОЙСТВА

Плоды садовой груши содержат много целебных веществ. На вкус груши слаще яблок, но содержание сахара в них меньше. Сок груши – хорошее мочегонное средство, грушевый отвар – жаропонижающее и противокашлевое. Плоды рекомендуют при воспале-

нии предстательной железы, сердечно-сосудистых заболеваниях, нефритах, как антимикробное средство. Они успокаивают сердцебиение, улучшают настроение, снимают напряжение.

РЕЦЕПТЫ

Сок. При склонности к сахарному диабету регулярно принимать сок свежих груш по 50–70 мл за 30 минут до еды.

Отвар. Взять 1 стакан нарезанных на кусочки ароматных спелых груш (или полстакана сухих), залить 0,5 л кипятка, варить 10 минут, остудить, пить вместе с мякотью по 1 стакану 3 раза в день после еды.

Плоды. При ожирении, заболеваниях почек, печени и желчных путей, мочекаменной болезни, цистите рекомендуют свежие и сухие плоды.

Внимание! Груши нельзя есть на пустой желудок, нельзя запивать водой, после груш нельзя есть мясо.

ЧАЛТУК-АХМЕД

Кумыкская сказка

Жил на свете бедняк по имени Чалтук-Ахмед. Не было у него никакого добра, а была только одна старая, хворая лошадь. Чалтук-Ахмед жалел свою лошадь. Целых две недели он не работал на ней, а по ночам пускал в поле на травку.

Но две недели прошли, а лошадь ничуть не поправилась. Она стала совсем тощей, и на спине у неё появились болячки.

Встревожился Чалтук-Ахмед. Решил всю ночь в поле караулить.

Вот пустил он лошадь пастись, а сам спрятался за большой камень.

Когда настала полночь, пришли дикие звери: волк, медведь, кабан и лиса. Они, оказывается, играли с лошадью, по очереди взбирались к ней на спину, царапали её когтями.

Не стерпел Чалтук-Ахмед. Выскочил из-за камня и переловил всех зверей. А звери испугались и стали просить, чтобы он отпустил их на свободу.

Волк сказал, что пригонит Чалтук-Ахмеду большое стадо овец. Кабан обещал вспахать его поле, медведь – показать в лесу старое дерево, в дупле которого полно мёду. Одна лиса ничего не пообещала. Она сказала только:

– Я худа и мала. Что тебе за польза, если ты меня убьёшь? Ты отпусти меня, быть может, я пригожусь тебе в трудный час.

Чалтук-Ахмед подумал-подумал и отпустил их всех.

На следующий день волк пригнал во двор Чалтук-Ахмеда стадо овец.

Кабан в свой срок вспахал клыками его маленькое поле.

А там и медведь пришёл и стал звать Чалтук-Ахмеда за мёдом.

Чалтук-Ахмед взял с собой топор, бурдюки для мёда и пошёл с медведем в лес.

Завёл его медведь в лесную чащу, нашли они старое дерево, из дупла которого сочился душистый мёд, и тут медведь сказал:

– Вот теперь я тебя задушу и съем!

Обомлел Чалтук-Ахмед от страха и выронил топор, а медведь давай душить Чалтук-Ахмеда.

Вдруг слышат они, кто-то зовёт:

– Чалтук-Ахмед! Чалтук-Ахмед!

– Здесь я! – откликнулся тот, узнав голос лисы.

– Чалтук-Ахмед, не видел ли ты медведя? Сюда идут охотники, им нужна медвежья шкура.

Медведь испугался и шепнул Чалтук-Ахмеду:

– Скажи, что не знаешь, скажи, что не знаешь!

– Не знаю! – крикнул Чалтук-Ахмед.

– А это что перед тобой? – спросила лиса.

– Скажи – чурбан! Скажи – чурбан, – зашептал медведь.

– Это чурбан! – ответил Чалтук-Ахмед.

– Разве у чурбана бывают уши? – спросила лиса.

– Скажи, что это сучья! Скажи, что это сучья! – прошептал медведь.

– Это сучья! – крикнул Чалтук-Ахмед.

– Тогда возьми топор и ударь между ними покрепче! – приказала лиса.

– Возьми топор и ударь логонько, милый Чалтук-Ахмед! – заплакал медведь. – Я никогда не забуду твоей доброты.

– Нет, не верю тебе! – сказал Чалтук-Ахмед.

Размахнулся и ударил медведя.

Тут вышла из кустов лиса. Набрали они с Чалтук-Ахмедом полным-полны бурдюки мёда и пошли домой.

ЕСЛИ БЫ НЕ ЛЮБОВЬ...

Своего единственного сына Амира я воспитывала одна. В возрасте 22 лет, после 4 лет мучений, я разошлась с мужем-наркоманом и, забрав с собой 3-летнего сына, ушла к родителям. После развода я не вышла замуж и жила ради сына.

Напрасно близкие уговаривали меня выйти замуж, я приняла решение и осталась ему верна.

Шли годы... Сын подрастал и радовал меня отличной учебой, занимался спортом. После окончания школы Амир захотел учиться в Москве, в медицинском университете. Уже со второго курса он устроился работать санитаром скорой помощи, успешно совмещая работу с учебой.

Я уже мечтала о его свадьбе. Однажды, как бы незначай, познакомила его с Камиллой, дочерью одного из наших родственников. Ее отец работал главврачом в одной из больниц, сама девушка училась в медучилище. Особо нравилась мне мать Камиллы, Амина – милая, добрая, скромная, гостеприимная женщина. «Ее дочь, даст Бог, будет такой же», – думала я, помня известную поговорку про яблоко и яблоню...

На мой вопрос, нравится ли ему Камилла, Амир заулыбался:

– А я-то думаю, что ты так ее нахваливаешь! Камилка умница и красавица. Но жениться я пока не собираюсь, у меня другие цели.

Я вернулась к разговору о женитьбе, когда сын учился на последнем курсе.

– Нам пора свататься к Камилле, такие, как она, дома не задерживаются, – начала я разговор.

– При чем тут Камилла? – удивился сын. – Наверное, она хорошая девушка, но я люблю другую. Как оказалось, Амир уже два года живет с русской девушкой Ниной. Она его однокурсница, ровесница, и у нее есть трехлетняя дочь от первого брака. Девочку воспитывает ее бабушка, живущая в Подольске. Признание сына было как обухом по голове.

– Я никогда не позволю тебе на ней жениться! – выпалила я.

– А я никогда не откажусь от нее даже ради тебя, мама! – категорично ответил мне сын.

В тот день я сказала сыну много нелестных слов о его девушке, он пытался защищать ее, но это еще больше разжигало мою ярость. Через день сын уехал, сославшись на работу, которая его ждет. Он учился и работал, а я все полгода до окончания им вуза думала о том, как разлучить его с Ниной...

Амир приехал после выпуска, и мы отметили с родными окончание им университета с красным дипломом. Через месяц он собирался поступать в заочную аспирантуру и работать в Москве. В один из дней я нашла в телефоне сына номер Нины и позвонила ей. Представилась родной тетей Амира, сказала, что она должна немедленно расстаться с ним. Сказала, что мать ее парня, посвятившая Амиру жизнь, в данное время тяжело болеет из-за их отно-

шений, и если с ней что-то случится, Амиру потом и руки никто не подаст.

– Если любишь Амира, откажись от него, – жестко сказала я девушке сына. – И не говори ему о нашем разговоре.

Мой план удался, сын через неделю после отъезда в Москву вернулся и сказал, что передумал учиться и будет работать здесь, в родном городе. О том, что Амир и Нина расстались, рассказал мне друг и однокурсник Амира Салман. Ребята были неразлучны еще со школы, вместе учились в Москве и вернулись работать на родину.

Однажды на вопрос о Нине Амир ответил коротко: с ней все кончено, не беспокойся, мама. В голосе звучал упрек, а я с ужасом думала: «Не дай бог, он узнает о моем разговоре с девушкой». Позже Салман немного дополнил информацию о Нине: она выходит замуж и уезжает работать на Север.

В один прекрасный день, выбрав подходящий момент, я вновь ненавязчиво предложила сыну Камиллу. Сказала, что больна, боюсь умереть, не увидев внуков.

– Хорошо, пусть это будет Камилла, – спокойно ответил Амир, – мне все равно, на ком жениться ...

Через месяц мы сыграли свадьбу. Я жила отдельно от молодых, и во время их визитов ко мне не могла понять – все ли у них хорошо. Особого счастья на лице Амира я не видела, но жили молодые без ссор и конфликтов.

На 20-летие Камиллы отец подарил ей красивую иномарку, и она стала ездить на своей машине в магазины, в гости к подругам. В один из вечеров Камилла поехала за мужем на работу, так как его машина была в ремонте.

Я смотрела телевизор, когда раздался телефонный звонок; незнакомый голос сообщил, что сын с невесткой попали в страшную аварию. Навстречу им по встречной полосе выехал джип с пьяным водителем и врезался в машину. Остальные события того вечера и первой недели я помню плохо – была не в себе. Диагнозы Амира пугали: закрытая черепно-мозговая травма, ушиб головного мозга тяжелой формы с гематомами. Ему отбило легкие, сердце. Сын получил семь переломов костей таза и впал в кому второй степени. Три недели Амир был в коме, но и потом, когда пришел в себя, врачи не обещали ничего определенного.

Трудно передать то, что я переживала в то время. Камилла оклемалась легко и быстро, но стала пропадать, по ее словам, на работе. На самом же деле она просто не хотела сидеть дома с тяжелобольным мужем, ходила к родителям, к друзьям, сидела с подругами в кафе. На мой вопрос, почему она уделяет мужу так мало внимания, Камилла раздраженно ответила:

– Не считаю своим долгом посвящать жизнь человеку, который, по мнению врачей, больше не встанет. И скажите спасибо, что я не ушла домой сразу же. Но, думаю, уже пора, чего мне ждать? Если Амир и выживет, то он останется овощем – так говорят врачи. Вас они жалеют, а мне сказали всю правду...

В один из дней Камилла собрала свои вещи и ушла. Ее мать, стесняясь смотреть мне в глаза, попросила: «Прости ее, Мадина, ради Бога. Знаю, она должна была остаться с мужем хотя бы временно, пока Амиру станет лучше. Мы с отцом ругали ее, но заставить остаться с мужем не смогли».

Позже я узнала многое о своей невестке. Ито, что она, жалуясь подругам на жизнь, желала Амиру скорейшей смерти, что в течение двух лет пила противозачаточные таблетки, желая, по ее словам, пока пожить для себя. А еще Камиллу в последнее время несколько раз видели с ее бывшим молодым преподавателем – в кафе и в его машине. Узнала и о том, что Камилла собиралась претендовать на долю в квартире, которую я купила Амиру перед свадьбой, и только ее отец, пригрозив дочери забрать у нее аптеку, заставил отказаться от этого плана.

Я не работала, день и ночь смотрела за сыном; имеющиеся в семье сбережения таяли быстро. Амиру нужны были дорогие лекарства и сиделка, одна я уже не справлялась. Я выставила квартиру сына на продажу и попросила друзей Амира найти сиделку для дневного ухода за больным.

Через несколько дней в дверь постучала красивая голубоглазая девушка, сказала, что пришла по объявлению. Представилась: зовут Ольга, дипломированный врач, приезжая, с работой здесь пока не получается, а жить на что-то нужно.

«Сколько же она денег попросит, дипломированный врач все-таки», – подумала я, хотя девушка об оплате даже не спросила.

На следующий день я спросила Салмана: не от него ли пришла к нам Ольга?

– Ольга? – с удивлением переспросил он, но тут же, словно вспомнив что-то, ответил:

– Да, да, от меня! Это хороший врач, работала в центральных городах и на Севере. Можете ей доверять, я ее еще со времен Москвы знаю.

Ольга с первого же дня удивила своим трудолюбием: освободила меня от всех домашних дел, хотя хлопот с тяжелобольным ей было достаточно.

– Мне несложно, – отвечала девушка. Ольга и в самом деле успевала все: убирала квартиру, стирала, готовила, бегала за продуктами. И при этом идеально смотрела за Амиром. Получив результаты последних обследований Амира, девушка отправила их именитому академику в Москву, которого разыскала через своих московских преподавателей. По его рекомендации заказала лекарства в Германии, где жила ее подруга. Ольга освоила технику массажа и делала его Амиру сама.

Прошло еще два месяца. Я отчаивалась: Амир ничего не говорил, не чувствовал, никого не узнавал. Но врачи по своим критериям и исследованиям отмечали положительные сдвиги в его состоянии. Не теряла надежды и Ольга, хотя в процессе занятий с ним сталкивалась с его молчаливым нежеланием, непониманием и даже агрессией.

В один из дней Ольга ушла домой пораньше, сказала, что заболел ребенок. Она ушла, а через полчаса я увидела ее сумочку и забытый телефон. Позвонила на последний номер, с которого был звонок, но телефон был выключен. Позвонила Салману, но и он не знал адреса своей знакомой. Заглянула в сумочку – первый же клочок бумаги оказался квитанцией из химчистки, в ней – адрес и номер телефона Ольги.

Оставив с Амиром соседку, я вызвала такси и поехала по адресу. Остановившись у соседнего супермаркета, купила кучу сладостей, фруктов – хотелось хоть как-то сделать приятное молодой женщине, тем более там больной ребенок. Дверь по указанному адресу мне открыла пожилая женщина лет семидесяти, пригласила войти. Я представилась и спросила об Ольге. Женщина в ответ также представилась Серафимой Ивановной и кивнула на девочку лет пяти, которая сидела за столом и рисовала:

– Вот Оленька. А откуда вы ее знаете? – удивленно спросила она меня.

– Нет, Серафима Ивановна. Мне нужна ваша внучка Ольга, которая помогает мне с тяжелобольным сыном. Лицо Серафимы Ивановны в секунду просто потемнело... Минуту помолчав, она, словно решившись на что-то важное, сказала:

– А, значит, это вы и есть... Сейчас я все поняла. Но вы что-то путаете. Мою внучку зовут не Ольга, а Нина. Ольга – это ее дочь. У моей Нины еще и сын есть, это он у нас заболел. Хотите его увидеть?

Я не успела ничего понять и ответить Серафиме Ивановне, как девочка выбежала в другую комнату и тут же вернулась, держа за руку малыша. Увидев его близко, я не смогла больше ни говорить, ни сдвинуться с места. На меня смотрели черные, как угольки, глаза моего сына...

– Не смогла я ее удержать. Ни тогда, три года назад, когда, уже поступив в аспирантуру, она вдруг все бросила, оставила Москву и уехала в Мурманск. Ни теперь, когда опять разрушив налаженную жизнь, бросилась спасать твоего сына, – слова Серафимы Ивановны били по сердцу тяжелым молотком. – А ведь получала там немалые деньги, квартиру дали. И жених появился, хороший человек, предложение ей сделал, с двумя детьми брал... Вот тут и узнала она, что сынок твой в аварию попал... Разве ж я ее одну отпустила бы?! Пришлось мне, как кочевой цыганке, ехать за внучкой.

– Но говорили, что Нина вышла замуж за однокурсника, с ним уехала из Москвы! – буквально прошептала я.

– Замуж она не вышла, просто попросила однокурсника подыграть ей. Этот Вадим с первого курса был влюблен в нее и тоже поехал работать на Север, потому все и поверили. Причину всего этого вы знаете; ваша сестра не оставила бедной девочке выбора. Кстати, Нина была беременна, Амиру не успела еще сказать, а после звонка тети – не захотела: «У него мама тяжело болеет, из-за меня весь род от Амира отвернется», –

так мне объяснила. Такие вот дела. Нина уехала. Мы с Оленькой свою квартиру в Подмоскowie сдали и следом; потом мальчишка родился...

Я сидела за столом напротив Серафимы Ивановны, как на скамье подсудимых, сокрушенная, раздавленная и терзала бахромой простенькой льняной скатерти. Вдруг я увидела Нину, она стояла в дверях бледная и растерянная.

Я шагнула ей навстречу, чувствуя, что теряю силы.

– Прости меня, прости, если только сможешь. Я так виновата перед тобой, перед сыном, перед внуком, – я рыдала в полный голос, не боясь напугать детей...

Через несколько дней я забрала Нину с детьми к себе. Серафима Ивановна не захотела жить с нами. Но переехала в наш город, обменяв квартиру в Подольске на здешнюю: не могла она без детей.

Долгих два с половиной года Нина выхаживала Амира; несмотря на мои протесты, и на работу устроилась, брала ночные дежурства в больнице...

Никогда не забуду день, когда сын неожиданно узнал Нину.

– Нина?! – удивленно спросил он в один из обычных дней, словно впервые увидел девушку. – Я так долго тебя искал, спрашивал у всех твой адрес. Как хорошо, что ты нашлась. А это Оля, я ее помню, – сказал Амир и, улыбнувшись, показал на дочь Нины.

– А этого мальчика ты знаешь? – спросила я, подводя к нему пятилетнего сына. Амир долго и внимательно смотрел на мальчика.

– Нет, его я точно не знаю, хотя он и похож на кого-то.

– На тебя он похож, потому что это твой сын, и зовут его тоже Амир, как тебя, – сказала я.

– Странно, почему же я сына совсем не помню? И почему мы не нашли ему другого имени? – немного расстроено спросил Амир.

Прошло несколько лет. Амир полностью восстановился, вернулся к своей профессии, успешно работает. Теперь у них четверо детей. Оля, Амир и две девочки-близняшки, совершенно разные, как день и ночь. Одну из них, смуглянку, назвали в мою честь Мадиной, а голубоглазую русую девочку назвали Светланой в честь покойной матери Нины. Продав две наши квартиры, мы купили дом, в котором есть место для всех, небольшой садик и бассейн.

Нина простила меня, она как родная дочь заботится обо мне и моем здоровье. И все у нас хорошо!

* * *

Знаю, что чужой опыт никого не учит – меня не научил даже собственный! Наверное, я считала, что имею право вмешиваться в жизнь сына, ведь я в свое время отдала ему свою! Но разве я отказалась от собственной жизни для того, чтобы потом отнять ее у сына?!

Я дорого заплатила за свою ошибку, но цена могла бы быть еще выше. Если бы не любовь...

ЭЛЬМИРА ИБРАГИМОВА

ГОРЕТЬ, А НЕ ТЛЕТЬ!

Казалось бы, что нового можно написать о человеке, о котором писала не раз? Все уже сказано-рассказано, и образ, как говорится, сформирован. Оказывается, я очень ошибалась. Вернее, формат наших прошлых встреч в режиме «бегом-бегом» совсем не располагал к тому, чтобы узнать мою героиню лучше. А сегодня случилась неспешная беседа и, признаюсь честно, мои эмоции зашкаливали от безудержного смеха до щемящей грусти – и обратно. Ну, никак я не представляла, что за сдержанной, подчас суровой маской – веселый, обаятельный человек.

Наверное, не ошибусь, если скажу, что Асият Камиловну Адильханову знают почти все коренные буйнакцы. Она родилась и выросла здесь, окончила среднюю школу №5, была активисткой и практически правой рукой легендарного Булача Гаджиева.

– Мы с Булачом Имадуддиновичем вместе были в 206 походах! Я как секретарь комсомольской организации школы участвовала во всех его мероприятиях, – с

гордостью говорит она. И это ее самое главное воспоминание о школе. А еще – выпускные экзамены и школьный бал. Да и как такое забыть? Это был 1970 год. 14 мая произошло страшное землетрясение, и выпускники сдавали свои экзамены на улице, во дворе школы, опасаясь, что школьные стены могут рухнуть в любой момент. И выпускной бал проходил на улице.

– В тот год нас вне конкурса принимали во все вузы страны, и большая часть нашего класса, 18 человек, отправилась в Ленинград. Я в том числе. Поступила на юрфак университета имени А. Герцена и даже проучилась один год. А потом на каникулы приехала домой. А тут – засада! Мама начала целую кампанию под девизом «Оставить дочку дома». И я сдалась. Осталась. Да еще и перевестись не успела: ждала папу из командировки. В общем, пришлось поступать повторно, только уже на физико-математический факультет филиала нашего пединститута. Директором был Владимир Чернобай. Посмотрел на меня, – а я была стройная, коса до пояса, – и говорит: «Откуда такая Снегурочка?» Так, с его легкой руки я стала «заслуженной Снегурочкой факультета», исполняя эту роль три года подряд, – вспоминает Асият Камиловна.

Окончила институт, к тому времени вышла замуж и вместе с мужем по распределению отправилась преподавать в поселок Шамхал, в Ростовскую железнодорожную школу №129.

– Школа относилась к управлению железными дорогами и считалась ростовским отделением. Мои ученики – дети железнодорожников. Преподавала я математику, физику, черчение, да еще, за целых 10 рублей, вела классное руководство! Тебе смешно? А я была очень ответственным классруком. Бывало, ученики пропускали уроки, я после работы надеваю резиновые сапоги, те, что рыбаки носят, ватник – и... вдоль железной дороги, по домам прогульщиков. Удивляюсь, что многим нынешним педагогам абсолютно все равно, ходят дети в школу или нет.

11 лет отдала школе и браку Асият Адильханова. Но случилось так, что брак распался, и девушка решила вернуться домой.

– На поезде ранним утром приехала в Буйнакск, – рассказывает она. – Только не домой пошла, а работу искать. Это было в июле 1988 года. Пришла в родную пятую школу, а директора нет, в отъезде. Пошла в школу №8. Директором там был Джамалутдин Гасанханович Акаев. Он меня на работу взял, правда, с испытательным сроком. Не прошло и года, как меня назначили заместителем директора по воспитательной работе. Пять лет проработала в этой школе, а 23 мая 1993 года неожиданно вызвали в горисполком. Прихожу прямо с урока, не подозревая, зачем позвали. Председателем горкома КПСС тогда был Магомед Гаджидадаев. У него какое-то совещание. Захожу, а он мне: «Вы назначаетесь директором школы №1», – и говорит своему заместителю: «Дайте ей постановление и сегодня же представьте коллективу». И прямиком в школу. А там уже весь коллектив собрался, ждут. На сцене – три стула.

Пришедшие со мной из горкома сели – мне места нет. Я стою в сторонке и понимаю: мне таким образом показывают, что я здесь лишняя. Что скрывать, коллектив принял меня в штыки, у них была своя кандидатура. Из зала крики, шум... Не выдержала. Демонстративно открываю сумку свою, достаю постановление и начинаю громко читать: «Назначить Адильханову Асият Камиловну директором школы № 1 с 23 мая 1993 года. Подпись – Гаджидадаев». Пока читала – в зале стояла мертвая тишина. А я продолжаю: «Я намерена выполнить прямое указание начальства. Если кто-то с этим не согласен – может писать заявление об уходе». И вышла. Пошла напрямик в кабинет директора. А там... полная урна мусора, огромные черные мухи и засохшая несчастная икебана на окне. Я села и заплакала. Представила себя той самой икебаной... Но, делать нечего. Выбросила букет, прогнала мух и... начала работать.

А через два дня – последний звонок. Все как обычно, красивые слова, цветы. Мне слово никто не дает, я как чужая на этом празднике жизни. И букеты, которые старшеклассники мне несут, тут же перехватывают, отесняя меня в сторону. У меня слезы на глазах, но держусь. Из последних сил. И вдруг... открываются ворота, и выпускники восьмой школы с педагогами, цветами, шарами заходят и идут прямо ко мне. Тут уж я не выдержала, заплакала...

Это было время, когда зарождалось инновационное образование. В Дагестане стали открываться гимназии и лицеи. Загорелась и Асият Камиловна. Стала ездить по республике, за ее пределы, собирать опыт коллег. Подготовила все документы и подала заявление на изменение статуса школы в гимназию.

– Министром образования республики в ту пору был Низами Эмирович Казиев. Он наше начинание поддержал. Приехал, посмотрел, а у нас ремонтные работы полным ходом идут. И вот через неделю я ему приглашение отвезла на церемонию открытия гимназии. Он спрашивает: «Успеете?» Не моргнув глазом, отвечаю: «Да». А у нас еще работы немерено.

21 сентября 1994 года мы торжественно открыли первую (и на сегодняшний день единственную) городскую гимназию. Министр увидел и говорит: «Вы волшебной палочкой взмахнули?» Я молчу, улыбаюсь, а сама думаю: знал бы он, что мы до четырех утра во дворе асфальт укладывали!

Так гимназия начала свою работу. А в 1998 году на базе нашего учреждения было решено провести республиканский семинар для начальников управлений образования, директоров школ. Гостей наехало – море. Со всех городов и районов республики, плюс еще полминистерства. Ходят по кабинетам, смотрят. А у нас – и лингафонные кабинеты, и компьютерный класс. Гости даже в туалеты заглянули. Поразились, что везде стерильная чистота и порядок. А я пока к семинару готовилась, в школе дневала и ночевала, похудела так, что многие не узнавали. Вот и Низами Эмирович не узнал! «Где, – говорит, – директор?» Подхожу, говорю: «Тут».

А он: «Кто эту девчонку директором поставил, где прежний руководитель? Ладно, идем в твой кабинет». Заходим. А у меня на потолке огромная дыра, штукатурка обвалилась.

Он посмотрел так внимательно, потом спрашивает: «А где твое кресло?» «Денег нет», – отвечаю. Министр говорит: «Посмотрите на эту девочку, которая в первую очередь думает о школе, а сама сидит в обшарпанной комнате. И на себя – в роскошных кабинетах, мягких креслах и неустроенных школах».

Потом были годы плодотворной, творческой работы, время поисков и достижений. Гимназия стала «Школой российского значения», а Асият Камиловна трижды удостоивалась звания «Лучший директор России», ей также было присвоено звание «Академик творческой педагогики». Это, что называется, сливки. А были и истории, достойные пера Ильфа и Петрова. Одна меня впечатлила особенно.

Госпожарнадзор требовал установить в школе светоотражающие указатели плана эвакуации в случае пожара. Денег, как водится, не было, а получать предписание и платить штраф не хотелось. Тут надо отметить, что здание гимназии старинное, 1901 года постройки. И чердаки там просторные, облюбованные не одним поколением голубей. Асият Камиловна, вооружившись мешками, вместе с техничками поднялась на чердак. Целый день они собирали птичий помет, набрали несколько десятков мешков, а потом директор продала их какому-то фермеру! На вырученные деньги установили светоотражатели.

– Когда на очередном совещании директоров школ все стали жаловаться на нехватку средств, я рассказала, где их можно взять, – смеется Асият Камиловна. – И тут меня убила реплика одного из инспекторов: «Вы продали государственное имущество?» А я ему: «Вот уж не знала, что птичий помет – государственное имущество!»

Пришло время, когда директор поняла – пора дать дорогу молодым. Но только отдыхать ей не дали.

– Мы не имеем права разбазаривать такие кадры, – сказали в администрации города и предложили возглавить профком работников образования города.

И уже в 2016 году Буйнакский профком занял второе место в рейтинге профсоюзных комитетов республики, а в 2017 и в 2018 году возглавил рейтинг. В чем причина? В неумной энергии руководителя. Спартакиады для учителей и профессиональные конкурсы, в которых поначалу никто не хотел участвовать, теперь ждут с нетерпением. Помощь ветеранам и молодым педагогам, делающим первые шаги в профессии. Да всего и не перечислишь!

Асият Камиловна – яркий пример того, насколько неверна пословица «Один в поле не воин». Воин, да еще какой! Главное – гореть, а не тлеть, работать так, чтобы не было стыдно за свою работу. Асият Адильханова по-другому и не умеет!

САБИНА ИСРАПИЛОВА

БУДЕТ ЖИТЬ СЕЛО – БУДЕТ ЖИТЬ И ШКОЛА!

1 сентября – День знаний, начало учебного года в образовательных учреждениях. О своей работе, о плюсах и минусах современного образования на селе, а также о проблемах условий жизни и труда в предгорной местности Южного Дагестана рассказывает Раида Айдаева, директор малокомплектной школы села Шихикент Сулейман-Стальского района, 100-летие которой будет отмечать в этом году.

– Родилась я в высокогорном селении Маза Ахтынского района. В 1977 году нас переселили в селение Бутказмаляр Магарамкентского района, где я окончила школу. Окончив с отличием филфак ДГУ, вместе с мужем Салихом Айдаевым переехала жить в его родное село Буткент Сулейман-Стальского района. С тех пор и живу в Буткенте, а на работу езжу в Шихикент.

– **Что для Вас значит само понятие сельская школа?**

– Это особый мир с особыми традициями, часть сельского социума, которая не может развиваться в отрыве от него.

– **Директор школы пользуется большим авторитетом в селе?**

– Если личность руководителя учебного заведения безупречна, то он становится советчиком в вопросах образования, воспитания, в

семейных и бытовых проблемах. У нас все педагоги работают под строгим контролем местного населения, которое не спустит промахи, например, незаслуженные награды или побрякки. Многие руководители сельских школ участвуют в работе органов местного самоуправления, в решении важнейших проблем жизни села. Это не потому, что есть избыток свободного времени, сил или особо крепкое здоровье,

а потому, что мыслить директор школы, действительно, должен по-государственному.

– Будет жить село – будет жить и развиваться школа. Сельская школа – это главный резерв пополнения кадров «глубинки». Не секрет, что сегодня самая большая наша проблема – это отток молодежи в город в поисках работы, отсутствие организованного досуга, социальной инфраструктуры. С каждым годом учеников в нашей школе становится все меньше. Если еще несколько лет назад в нашей средней школе обучались 120 учащихся, то в этом году у нас осталось всего 80 детей. В классах сидят по 7-8 человек, а выпускников в этом году у нас всего лишь пятеро. В прошлом учебном году было трое. Сколько их будет через 5 лет, мне трудно представить.

– Как Вы, видя все эти проблемы воочию, объясняете такую ситуацию?

– Все эти проблемы у нас из 90-х. Тогда и начался исход сельских жителей в города в поисках работы и комфортной жизни. Ведь из села уезжают и не возвращаются также и молодые учителя. У нас в Шихикенте осталось немного педагогов. Это все уже пожилые люди старой закалки. Остро не хватает преподавателей точных наук, таких как математика, физика, химия. Если кто-то из них заболит, то заменить уже некем. Проблему с учителями иностранных языков мы решаем, совмещая часы преподавателей гуманитарных дисциплин, вспоминая, как мы проходили иностранный язык в вузе. Не менее важную роль играет и небольшая зарплата учителя. А еще тут нет детсада, спортивных секций, дополнительного образования в творческих кружках. Когда все мои коллеги уйдут на пенсию, а многие из них уже давно работающие пенсионеры, преподавать будет некому и, боюсь, не для кого.

– Как Вы с этими проблемами справляетесь?

– При ограниченных ресурсах сельской школы директор – это и учитель, и социальный работник, и

экономист, и бухгалтер, и юрист, и охранник, и пожарный, и сам себе секретарь. Приходится заниматься не только учебным процессом, но и быть менеджером, который должен организовать образовательную, воспитательную, экономическую, охранную, социальную, хозяйственную работу, совмещать многие функции.

– Чем еще приходится заниматься директору школы?

– К сожалению, много времени и сил у сельского директора уходит на решение проблем – требований контрольно-надзорных органов, которые пытаются применить современные правила и инструкции к сельским школам, построенным еще в советские времена, почти век назад.

– Как обстоят дела с обеспечением учебниками, с техническим оснащением, с условиями работы?

– В этом учебном году мы получили книги, но, правда, с «небольшим» опозданием. С техническим оснащением вообще нет проблем, так как и оснащения никакого нет. Наша школа попала в приоритетный проект «100 школ» и благодаря инвестору Имаму Яралиеву в здании, построенном в 1949 году, сделают капитальный ремонт.

– Вы отдали три десятка лет этой школе, выпустили сотни учеников, а остались ли время и место в Вашей жизни семье?

– Я рано вышла замуж, родила троих сыновей. Старший мой сын трагически погиб, потом умер супруг. Сыновья живут и работают за пределами Дагестана. Уехали потому, что не смогли найти работу по специальности. Средний сын в Белгороде работает врачом, а младший – стал юристом в Москве. Дети меня регулярно навещают летом. Это сейчас стандартная ситуация в Дагестане, когда молодые специалисты с хорошим образованием вынуждены искать лучшей жизни в других регионах России.

Школе, которая играет важную роль в сельской местности в образовательном и воспитательном процессах, трудно противостоять сложившейся ситуации, когда невозможно найти работу по специальности и приходится искать выход. Для моих детей выходом стал переезд.

Глядя на Ираду Сабировну Айдаеву, полную жизненной энергии и еще молодую женщину, представительницу сельской интеллигенции в самом благородном смысле этого слова, хочется верить, что сельская школа будет жить благодаря преданным своей профессии подвижникам, не жалеющим сил и времени для того, чтобы воспитать достойных, образованных граждан своей страны, за которых не будет стыдно спустя годы.

ВИОЛЕТТА РАТЕНКОВА

НАВЕЧНО В СПИСКАХ

В сентябре 2019 года исполняется 20 лет освобождения Дагестана от нападения международных бандформирований. И мы сегодня с благодарностью вспоминаем тех, кто ценой жизни защитил дагестанскую землю от незваных гостей. Среди них медсестра Ирина Янина – единственная женщина, удостоенная звания Героя России в этой войне.

Ирина родилась в Талды-Кургане Казахской ССР. Здесь вышла замуж, родила двоих детей. После окончания училища занималась самой мирной профессией на земле – работала медицинской сестрой в противотуберкулезном диспансере и родильном доме.

Но пришли 90-е годы, которые сделали русских в Казахстане чужими. И на семейном совете было принято решение перебраться в Россию. Так Ирина Янина с родителями и детьми оказалась в Волгоградской области.

Надеть военную форму эту красивую женщину заставила вовсе не романтика. Муж испугался трудностей, сбежал в поисках жизни полегче. А тут еще страшное горе – от острого лейкоза умерла маленькая доченька. Ирина осталась с одиннадцатилетним сыном Женькой. Не имея ни угла, ни работы, она, чтобы выжить, искала хоть какой-то заработок. В 1995 году поступила на контрактную службу во внутренние войска МВД России. Служила медицинской сестрой в городе Калач-на-Дону.

Летом 1999-го ее бригаду отправили в Кизляр. Для сержанта Яниной это была уже третья командировка на Кавказ. Обстановка там

накалялась – вооруженные банды стремились попасть из Чечни в Дагестан. Бойцы, контролировавшие федеральную дорогу, постоянно отражали попытки боевиков прорвать границу и укрепляли позиции.

* * *

«Здравствуй, мой маленький, любимый, самый красивый в мире сынок! Я очень соскучилась за тобой. Ты мне напиши, как у тебя дела, как со школой, с кем дружишь? Не болеешь? По вечерам не ходи поздно – сейчас очень много бандитов. Будь около дома. Один никуда не ходи. Слушай всех дома и знай – я очень тебя люблю. Побольше читай. Ты уже большой и самостоятельный мальчик, поэтому делай все правильно, чтобы тебя не ругали. Жду твоего письма. Слушай всех. Целую. Мама. 21.08.99 года».

Родителям в тот же день она писала другое. «Здравствуйте, мои дорогие мама и папа! Как ваши дела? Извините за то, что не писала. Я надеюсь, что у вас там лучше, чем у меня. Мы стояли в Кизляре, на границе с Чечней 6 дней, затем передвинулись на 600 метров и... началась война. Пью таблетки, чтобы поднять жизненную силу. 22-го числа мы выдвигаемся в Ботлих...

Вот и представь, что я испытываю. Я стала заикаться и часто плакать. Раненых у нас много. Груза «200» мало... Ну, мама, всего не напишешь. Приеду, дай Бог, домой, все расскажу. Передавай привет всем, поцелуй Женю. Повоюем и приеду домой. Целую всех. Ваша дочь Иринка».

Это было ее последнее письмо.

* * *

В наградном листе подробно описан подвиг санинструктора.

«31 августа 1999 года сержант Янина И.Ю. в составе эвакуационной группы выполняла боевое задание в районе населенного пункта Карамахи. В период зачистки территории наши войска встретили организованное сопротивление террористов, отчаянно сражавшихся за каждую улицу, каждый дом.

Сержант Янина, находясь на передовой, под ожесточенным огнем противника оказывала первую медицинскую помощь раненым военнослужащим, пострадавшим в ходе боя. Она, рискуя своей жизнью, пришла на помощь 15 нашим воинам и организовала их эвакуацию в медицинский пункт временной дислокации части. При ее личном участии было совершено три рейса

на бронетранспортере к линии противостояния, 28 военнослужащих, получивших тяжелые огнестрельные ранения, были направлены в тыл, где им была оказана своевременная медицинская помощь».

В самый ожесточенный момент сражения, когда противник перешел в контратаку, пренебрегая опасностью, медсестра в четвертый раз устремила на помощь ведущим бой нашим подразделениям. Организовав погрузку раненых, она, непрерывно стреляя из автомата, не давала возможности противнику вести прицельный огонь. При отходе от позиций бронетранспортер оказался в зоне сильного гранатометного огня. Две гранаты попали в корпус и топливный бак боевой машины, которую мгновенно охватило пламя. Помогая раненым выбраться из бронетранспортера, мужественная медсестра не смогла покинуть горящую машину.

Сохранилось свидетельство, пожалуй, главного очевидца гибели Ирины Яниной, водителя того самого БТР, в котором она сгорела, ефрейтора Кулакова: «31-го числа 1999 года примерно в 11 часов мы в составе батальона выдвинулись в направлении полевого стана с. Карамахи. Со мной в БТР № 157 находились наводчик, стрелок и медсестра Янина. После прохождения населенного пункта мой БТР подбили. После того как я пришел в сознание, в машине, кроме меня и Яниной, никого не было. Внутри машины все горело, и я полез к выходу через боковой люк с правой стороны. С этой же стороны сидела и Янина. Я зацепился спиной за люк, попытался вытащить Янину, но разгрузка порвалась, и я упал на асфальт. БТР проехал после этого метров десять. Наводчик и стрелок лежали по другую сторону дороги. Я им сказал, что там осталась женщина и надо ползти, доставать ее отсюда.

Когда мы подползли близко к машине, нас стали обстреливать,

не подпуская к технике. Минуты через три из машины пошел черный

густой дым, и я сказал ребятам отходить, а то могут взорваться боеприпасы. Мы отползли метров пять, и за нами пришли БТРы и забрали нас. Янину мы не смогли вытащить из БТР. После того как забрали нас и подошли основные силы к моему БТРу, прошло еще около семи минут. В БТР уже начал взрываться боекомплект и ничего нельзя было рассмотреть из-за дыма».

За героизм, мужество и самопожертвование, проявленные при спасении раненых военнослужащих, сержанту Яниной Ирине Юрьевне было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Ирина Янина навечно зачислена в списки личного состава воинской части.

Фрида Полак

МАМИНО ПИСЬМО

Ветви грустных берёз треплет ветер упрямо,
на ладонях дрожит пожелтевший листок.
Из далёкой Чечни слышу голос твой, мама:
«Здравствуй, самый красивый, любимый сынок!»

Годы вихрем летят. Мне исполнилось тридцать.
Наступила пора рассказать сыновьям
о письме, что реликвий в доме хранится, —
скоро внукам твоим я его передам.

Приняла добровольно ты долю солдата
не для почестей, славы и блеска наград —
ты служила на совесть сестрой медсанбата,
как своих сыновей, прикрывая ребят.

Двадцать восемь бойцов ты спасла от могилы,
чтобы каждый домой возвратился живым.
Трижды огненным рейсом на помощь спешила —
стал четвёртый прорыв для тебя роковым.

Это был страшный бой с перекрёстным обстрелом,
полыхающий смерч сжёг селенье дотла.
Вывозя в БТРе солдат обгорелых,
лишь себя от огня ты сберечь не смогла...

Шепчут имя «Ирина» подруги-берёзы,
горный ветер тебе посвящает сонет.
Каждым утром хрустальные чистые росы
оппадают слезинками на парапет...

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

работу и необходимый уход, – рассказывает Айшат. – По роду своей деятельности я часто вижу, что такие ребята и их семьи у нас в республике, да и в стране, постоянно сталкиваются со сложностями и в быту, и на улице, и в общественных местах. Вот так возникла мысль попробовать организовать такие площадки в нашем городе.

В 2017 году проект Айшат Гамзаевой победил в конкурсе Фонда президентских грантов. Это была большая победа маленькой хрупкой женщины, несущей на своих плечах важное и нужное дело; это была победа созидательного и доброго начала, заложенного в каждом из нас, даже если мы о нём не подозреваем.

Стоимость проекта значительно превышала сумму гранта, но и тут помогли добрые люди – и благотворительные фонды, и администрация города, и личные пожертвования наших горожан.

Облагодетельном фонде «Жизнь без слёз» и его руководителе Айшат Гамзаевой мы уже не раз писали в нашем журнале. Писали об искренности и горячем участии, о сочувствии к проблемам особенных людей, о необходимости помощи им и их семьям.

Сегодня наш рассказ – о новом проекте фонда. Несколько лет назад у Айшат возникла идея создания социального кафе – такой площадки, где люди с ограниченными возможностями смогут работать,

встречаться, общаться, рассказать о себе и послушать других, у которых похожие проблемы. Это площадка и для встреч их родственников, ведь почти во всех семьях людей с особенностями развития возникают проблемы.

Впервые такое место Айшат Гамзаева увидела в Ольденбурге, городе-побратиме Махачкалы.

– Во время поездки нам показали небольшие социальные кафе и дневной стационар, где люди с различными нарушениями развития могли получить несложную

И вот оно – замечательное, теплое, светлое кафе со знаковым названием «Время перемен». Сегодня оно единственное в России! Здесь трудоустроены 15 ребят и два повара-наставника. Кафе уникально по своим характеристикам и полностью соответствует нормам «безбарьерной среды». Пара сотен квадратных метров площади позволяют колясочникам свободно въезжать и перемещаться, установлены низкие барные стойки, приспособлены санузлы – всё это сделано с любовью и заботой. А на втором этаже оборудован зал, где планируется проводить занятия с особенными детьми.

Кафе комфортное, удобное и для персонала, и для гостей. Радужные ребята-официанты с улыбками встречают всех – и колясочников, и подвижных малышей, и пожилых людей. Они несут посетителям массу нерастратенного тепла и любви к людям, и это создает особую атмосферу добра и света.

На открытии кафе было сказано много слов благодарности всем, кто принял участие в реализации проекта, но разве можно словами выразить радостный блеск глаз ребят и девушек, которые смогут теперь здесь работать?! Или радость родителей – их дети теперь будут полноправными членами общества, смогут развиваться, брать уроки кулинарного мастерства, получать навыки административной работы в общепите. Масштаб проекта, задуманного как социализация небольшой группы людей с незначительными особенностями развития, вырос до общественного – в него вовлечены и члены семей всех ребят с ограниченными возможностями, и друзья этих семей, и соседи, и все равнодушные горожане.

Сегодня государство практически обязывает трудоустраивать таких людей, существуют законы, обеспечивающие их занятость и безопасность, но если не будет людей, готовых искренне испол-

нять эти законы, ни один из них не будет «работать», и каждая семья останется один на один со своей проблемой.

Айшат подчеркивает, что идея проекта – это вовлечь молодёжь с ограниченными возможностями в общественные и социальные процессы, помочь приспособиться к жизни, предоставить возможности для реализации своих способностей. Все это для них важнее, чем для обычных людей. Ребята, для которых одиночество – привычное состояние, почувствуют дух команды и будут учиться и работать вместе.

– А ещё, – делится Айшат, – есть и другие, нужные и важные проекты у нашего фонда «Жизнь без слёз»...

Обращаемся ко всем читателям журнала: посетите кафе, побудьте рядом с этими открытыми и чистыми ребятами. Может, нам это нужно не меньше, чем им...

Сулгият БУЛГАЕВА

ОН ОБЕЩАЛ ВЕРНУТЬСЯ

Монолог матери

В се время нашей встречи Ирисбат Габилова, тяжело вздыхая, повторяла: «Если бы я знала, что жизнь моего сыночка так рано оборвется и все его мечты в один миг превратятся в прах, разве я позволила бы ему идти в эту чертову милицейскую школу. Если бы я знала...». Сколько, наверное, еще матерей, потерявших своих сыновей в безысходном горе, повторяют эти же слова!

– Казалось, вот только вчера кормила его грудью, склонившись над колыбелью, пела ему красивые старинные песни, а он вдруг, в одночасье, повзрослел, возмужал. А как хотелось уберечь его от житейских бед... – Голос Ирисбат дрожит, словно только вчера на ее седую голову свалилась эта страшная беда. Ее волнение и переживание невольно передаются и мне. Молча слушаю монолог

убитой горем матери, не в силах прервать ее исповедь.

– Я и сейчас, в каждый день своего рождения, выглядываю в окно, надеясь увидеть идущего к дому с букетами цветов дорогого сыночка. Что бы я ни делала, что бы сама себе ни говорила, не могу заставить свое сердце поверить в случившееся.

Голос Ирисбат неожиданно прерывается, бусинки слез, стекая по ее лицу, падают на подол платья.

Август 2012 года. Накануне священного Ураза-байрама Ирисбат отправилась на базар. Сколько всего надо купить! Разве могла она в этой праздничной суеде представить, что беда уже притаилась у ее ворот? Неожиданно зазвонил мобильный телефон. Это звонил сын Габил.

– Мама, ты где? – спросил Габил, – вспоминает Ирисбат. – Я на базаре. Что-то случилось? – Нет,

нет, мама, все хорошо, вечером зайду к вам, – ответил он. Сын пришел затемно. Это были последние счастливые мгновения, когда я его видела живым. Попив вместе с нами чаю, заторопился уходить. – Уже поздно, может, останешься у нас? Нам с отцом в последнее время так редко удается с тобой пообщаться, – предложила я. – Не могу мама, служба, – сказал он, обнял нас, стариков, и, попрощавшись, исчез в ночной мгле. Лишь потом мы узнали, что именно в эту ночь их подразделение выехало в командировку в Кумторкалинский район. Он нам ничего об этом не сказал.

Ирисбат вновь умолкает. Видно, как нестерпимо больно ей вновь и вновь берeditь в памяти те ужасные события.

– Почему-то в этот вечер мое материнское сердце молчало, не почувствовало приближающе-

гося несчастья. Габил с женой и двумя детьми жил в Агачауле. В ночь перед разговором и мы с мужем поехали в родное село. Когда вышли из мечети, была уже поздняя ночь. Вот тут только сердце мое вдруг затрепетало, забилося, будто птица, попавшая в силки. Говорю мужу Абдулбари, что плохо себя чувствую, и прошу как можно быстрее ехать домой. Какая-то неведомая сила тянула меня домой.

Как только переступила порог, не раздеваясь, подошла к телевизору, включила его и присела на диван. Шла религиозная передача: почтенный, убеленный сединами имам торжественным голосом читал суры из священного Корана. Воздев ладони и тихо шепча молитвы, я начала просить у Всевышнего дать людям мира и покоя. Неожиданно в дверь постучали. Подумала, кто же это может быть в такую пору, и поспешила открыть двери. На пороге с лицом белым, как мел, стоял брат Рашитхан. Увидела его – сердце чуть не остановилось. – Вуя, Рашитхан, что случилось? На тебе нет лица. Что-то с мамой? – спросила я.

– Успокойся, сестра, давай лучше присядем. Не знаю, как и сказать... В общем, Габила ранили, – еле выдавил он. Я только и смогла вымолвить: – Он жив? Рана тяжелая? – Жив, жив. Сейчас находится в больнице в Буйнакске. «Жив, жив» все повторяла я, как умалишенная, пытаюсь взять себя в руки. Не дожидаясь, пока муж оденется, тут же опрометью бросилась во двор и уселась в машину брата. Я никак не могла унять дрожание рук. Наконец мы тронулись. Но, проехав немного, Рашитхан почему-то повел машину не в сторону Буйнакска, а повернул к Агачаулу. – Он лежит в реанимации, тебя туда все равно не пустят, – ответил Рашитхан на застывший на моих губах вопрос.

Уже доезжая до дома Габила, она заметила собравшуюся у

ворот огромную толпу народа: односельчане, родственники. У всех печальные лица. Материнское сердце пронзила острая боль, из груди вырвался протяжный, душераздирающий стон... Слушая Ирисбат, я стала понимать, что невозможно пережить смерть сына, как невозможно сдвинуть с места гору. Нет от этой муки лекарства, нет исцеления. Вместе с сыном мать хоронит и свое сердце. Из памяти стираются образы, затягиваются душевные раны, но скорбь все равно возвращается – необъявленно и пронзительно.

С робкой надеждой хоть как-то отвлечь Ирисбат от печальных дум пытаюсь узнать у нее подробности служебной карьеры Габила. Впрочем, его биографию я знала наизусть. Родился в 1979 году в городе Махачкале. После окончания средней школы решил избрать профессию стража порядка и поступил в Махачкалинский филиал Астраханской школы милиции. Сразу после выпускного вечера был направлен в Южно-Сухокумск. Позже перевелся в Кировский РОВД г. Махачкалы. Высшее образование получил, обучаясь в Ростовском юридическом институте. В 2011 году был переведен оперуполномоченным в центр по противодействию экстремизму и терроризму, где и служил до того трагического августовского дня 2012 года. За этими короткими сухими словами кроются годы бессонных ночей, чрезвычайных и опасных ситуаций, когда не раз приходилось смотреть смерти в глаза...

– Оказывается все, кроме меня, знали, какая беда постигла моего сына, – продолжает Ирисбат, будто не слыша моего вопроса. – Не смогли сказать, пожалели. Неожиданно толпа, стоявшая у открытых ворот, расступилась, и мужчины на плечах внесли во двор носилки с завернутым в белый саван покойником. Меня обдало жаром, будто на голову

вылили ведро горячей воды. Словно сквозь пелену издали слышу чей-то плач, причитания: «Габил, Габил... Пусть Аллах примет его душу и откроет перед ним врата рая».

«Нет, нет! Не может быть! Он же ушел, обняв меня. Обещал вернуться... Нет, это не он! Я не верю! Он не мог меня обмануть. Он меня никогда не обманывал...» – я выла, как волчица, потерявшая своего детеныша. Говорят, плакали все, слышавшие мои причитания...

Видя, как у Ирисбат непрерывным потоком текут слезы, я и сама не сдержалась, расплакалась. Во мне все перевернулось.

– Ведь он никому не причинил зла. Был добрым сыном, отцом, братом, другом. Люди всегда шли к нему со своей бедой. И он никому в помощи не отказывал. И скольким бы еще помог, если бы не та проклятая ночь...

17 августа 2012 года. Глубокая ночь. В трех километрах от поселка Богатыревка расположился полицейский пост. Когда вдаль показались горящие фары автомобиля, первым навстречу приближающейся машине вышел старший поста майор Габил Габиллов и жестом приказал водителю остановиться. Как только старенькие «Жигули» стали у обочины, из кабины неожиданно раздались выстрелы. Несколько пуль попало в майора Габиллова. Преступник, сидевший за рулем, выскочил из машины и растворился в ночной мгле. В машине полицейские обнаружили самодельное взрывное устройство. Как потом было установлено, террорист намеревался провести взрыв в центральной мечети Махачкалы во время праздничной молитвы. Если бы на пути преступников не оказался мужественный офицер и злые умыслы террористов претворились в жизнь, сколько горя принесли бы они людям!

– Ох, сыночек, сыночек! Что ж ты о бедной матери не подумал? – тяжело вздыхает Ирисбат. – Товарищи еще надеялись, что врачам удастся спасти Габилу. Но раны оказались смертельными...

Говорят, героями не рождаются, героями становятся. И который раз убеждаешься, что это действительно так, что герои встречаются не только в кино и старинных былинах – они живут среди нас. Мужественный майор ценой собственной жизни предотвратил страшное преступление.

К сожалению, лишь спустя пять лет, после долгих бюрократических проволочек заслуженная награда нашего героя. Указом президента России майор Габил Габилулов был посмертно награжден Орденом Мужества. Награду вдове героя в переполненном зале Карабудахкентского районного дома культуры вручал министр внутренних дел Дагестана Абдурашид Магомедов.

– Помните, в 99-м году в Карамахи шли настоящие бои с укравшимися в селе сторонниками радикального ислама. От грохота орудий и взрывов тряслись стекла окон в домах у агачаульцев. Где-то в этом пекле находился и мой Габил. Я не могла уснуть по ночам. Выходила на балкон и, воздев руки к небу, просила: «О Аллах! Молю тебя, сохрани жизнь моему сыну! Он же еще совсем юн. Ни жены, ни детей, ни собственного дома. Сохрани жизни его друзей и товарищей. Не ввергай их матерей в пучину горя и бесконечной печали». Видимо, Бог услышал мою просьбу. Отмерил ему жизнь, пока не женился, не стал отцом и не построил дом. Я очень хотела, чтобы сын оставил свою опасную службу. Что только не говорила, как только не уговаривала! А он в ответ лишь отмалчивался. Как-то, когда я вновь завела свою «старую пластинку» про его отставку, он сел напротив меня и прерывающимся голосом сказал: «Мама, се-

годня на посту был убит мой друг, с которым мы не один год прослужили в Кировском РОВД. Его два маленьких сына остались без отца. Скажи, как я могу оставить службу, когда нелюди убивают моих братьев? Кем же потом я должен буду себя считать?» Я поняла, что все мои увещевания напрасны и не знала, что ему сказать, а про себя подумала: «Сыночек, а вдруг и тебя ждет такая участь? Что же я тогда буду делать?» Потом, испугавшись своих мыслей, стала просить прощения у Всевышнего, боясь своими бесконечными переживаниями накликав беду и разгневать Бога...

Как не разорвалось в клочья мое сердце в тот миг, когда моего ребенка внесли в белом саване во двор?! Всю ночь, склонившись над его бездыханным телом, гладила его руки. Мне все казалось, что он просто уснул...

Ирисбат вновь погружается в свои горькие думы. А я сижу напротив и не знаю, что сказать. Потом, будто вспомнив, Ирисбат рассказывает о бывшем соседе Габилу.

– Прошло 4 года после гибели Габилу. Зимняя пора. Во дворе метет, стужа. Я возилась на кухне, когда услышала голос Абдулбари из гостиной: «Ирисбат, кто-то стучится. Посмотри, кто там». Открыв двери, я увидела на пороге знакомого мне молодого человека, Николая, который переехал в Санкт-Петербург. Николай в свое время жил по соседству с моим сыном. Они хорошо знали друг друга, часто общались.

Мы долго разговаривали в тот вечер. Николай вспоминал, как в начале 90-х годов, когда в стране вовсю разгулялись всякая нечисть и ворье, у его родителей какая-то местная шпана стала требовать продать за бесценно трехкомнатную квартиру. Николай, зная, что Габил служит в милиции, обратился к нему за помощью. Конечно же, сын помог. А когда

старики захотели хоть как-то отблагодарить его, Габилу улыбнулся, приобнял друга и сказал: «Разве может быть лучший подарок, чем хороший сосед?»

Николай рассказал, что слишком поздно узнал о нашем горе, а узнав, не мог не приехать. Все рвался на могилу Габилу, еле отговорили. Агачаульское кладбище находится на крутых склонах Тарки-тау, и попасть туда в такую непогоду по глубоким сугробам – дело непростое.

Ирисбат вновь умолкла. Чувствовалось, что она изо всех сил старается сдержать свои душевные переживания.

– Все дети для нас дороги. Но Габил мне всегда казался более душевным, заботливым, предупредительным. Дарил мне цветы на день рождения. Даже когда служил в Сухокумске, закончив дела, садился в машину и пускался в неблизкий путь. Появлялся среди ночи с огромным букетом роз и тут же отправлялся в обратную дорогу, чтобы к утру быть на службе. Как-то узнав про мое заветное желание хотя бы раз в жизни совершить хадж в священные места, он продал свою машину и все вырученные деньги принес мне. Говорю ему: «Сынок, что ты наделал? Как же ты теперь без машины?» А он в ответ: «Ничего, мама, как-нибудь обойдусь. Главное, я хочу, чтобы твоя мечта сбылась». Как вспомню, сердце разрывается...

Герои не умирают, они живут в наших сердцах, в названиях улиц и площадей. Именем Габилу Габилулова названа школа в его родном Агачауле.

...Ирисбат в последнее время снится один и тот же сон. Открывается дверь и ее сын, свет ее очей Габил, входит с охапкой цветов.

Она все еще верит в чудеса, ведь сын обещал вернуться...

ПАХУ ХАЙБУЛЛАЕВА

ЗДЕСЬ Я ДОМА

Голос, глубокий, запоминающийся, переливаясь яркими интонациями, рождает совершенно особое восприятие, знакомой, казалось бы, мелодии. В исполнении солистки Дагестанской госфилармонии Юлии Горбатенко знаменитая песня «Долалай» М. Кажлаева на стихи Р. Гамзатова, давно ставшая народной, вызвала интерес своеобразной «женской» обработкой, обогащенной лирическими нотками, необыкновенной чувственностью. Вокальная интрига раскрылась при ближайшем знакомстве с певицей.

Юлия Горбатенко родом из Украины. В Дагестане оказалась волею судьбы. Тщательно подбирая слова, рассказывает она о том, что заставило ее покинуть родной дом, семью, родителей. Закончив Полтавское музучилище, отделение академического вокала, она работала в местном театре, в филармонии. Но хотелось шлифовать мастерство. Отправилась поступать в Киевскую консерваторию, где ей предложили первый курс проучиться платно, а через год обещали бюджетное место. Но девушка не могла себе это позволить. Выход был один – поехать в Москву. Надо было зарабатывать и помогать семье. Но столица встретила ее отнюдь не с распростертыми объятьями.

– Да, я не рассчитывала на то, что у меня все сразу сложится. Пела в одном из известных московских клубов, хотя понимала, что перспектив роста там нет. У меня был репертуар, записанный на мини-дисках, я с успехом исполняла песни Селин Дион, Уитни Хьюстон, Тины Тернер, солировала в московских группах «Мираж», «Moskow News» и др. Через год решила попробовать поступить в Московскую консерваторию, и вновь предложение после прослушивания – год проучиться на платной основе. Но для молодой певицы из Украины, да еще с маленьким ребенком на руках, это было невозможно. Тогда она поступила в Московский институт рыночной экономики и социальной

политики и получила образование по специальности «банковское дело».

– С дипломом я могла рассчитывать на более-менее сносное существование, – рассказывает Юля, – помогать родителям. Но это вовсе не означало, что я покончила с карьерой певицы – всего лишь было временное отступление.

Юля рассказывает, что пела всегда, чуть ли не с рождения. И никем другим, кроме как певицей, она себя не мыслит.

– Начинала я как «народница» – исполнительница народных песен. На Украине ведь «спивают» всей семьей и поют не только украинские, но и песни некогда одной большой страны, в которой все народы жили

Женщина Дагестана

На русском языке

Учредитель:

Министерство информатизации, связи и массовых коммуникаций РД.

Главный редактор

Н. М. КЕРИМОВА
e-mail: J-dag@mail.ru

Редакционная коллегия:

заместитель главного редактора

А. Ю. АБДУРАХМАНОВА,
e-mail: delia25@mail.ru

ответственный секретарь

С. Х. БУЛГАЕВА

редактор русского выпуска

Г. Х. АСАДУЛАЕВА

редактор аварского выпуска

Б. Ш. МУХИДИНОВА

редактор даргинского выпуска

П. Г. ВАГИДОВА

редактор кумыкского выпуска

П. Х. ХАЙБУЛЛАЕВА

редактор лезгинского выпуска

Н. Н. ИБРАГИМОВА

e-mail: shikhnabieva1981@mail.ru

редактор лакского выпуска

З. Т. АБДУРАХМАНОВА

редактор табасаранского выпуска

С. М. ИСРАФИЛОВА

Корреспонденты:

Э. ИБРАГИМОВА,
А. ТАЖУДИНОВА,
В. РАТЕНКОВА.

Заведующий редакцией

С. М. ГАМЗАТОВА

Художественный редактор

Г. А. КУРБАН-АДАМОВА,

e-mail: guleymat@mail.ru

Адрес редакции и издателя:

367018, Республика Дагестан,
г. Махачкала, пр-т Насрутдинова, 1^а.
e-mail: J-dag@mail.ru

Журнал отпечатан в типографии:

ГАУ РД Издательский дом «Дагестан».

Телефоны редакции:

65-00-36, 65-00-37, 65-00-39, 65-00-40.

Официальный сайт журнала «Женщина Дагестана»: женщинадагестана.рф

Сдано в набор 20.06.2019.

Подписано в печать 13.08.2019.

Формат бумаги 60 x 84¹/₈.

Объем: 5,5 печ. л.

Заказ № 0612. Тираж (3300) 446 экз.

Журнал для семейного чтения. Издается с 1957 г. Выходит на аварском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском, русском, табасаранском языках один раз в два месяца. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ05-00429 выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан.

На обложке:

I – Раисат Ибрагимова – драматург, писатель, поэт; III – Юлия Горбатенко – солистка Даггосфилармонии.

дружно. Ведь нас объединяла одна история, одна культура, – говорит она. Для Юлии Украина остается той болью, что возникает от разлуки с семьей. Но она признается, что в Дагестане ощущает себя комфортно, ей нравятся люди, искренние, эмоциональные, добрые, еще живущие по традициям, ушедшим из жизни больших городов. Совсем не случайно Юлю так интересует история древнего и современного Дагестана.

– Экзотический, удивительный, многоязычный край, – дополняет она. – Я серьезно думаю над тем, чтобы создать концертную программу, в которую будут включены композиции современных дагестанских авторов, например, молодого композитора Зумруд Мусиевой.

Ее влекут не только кавказский шансон, эстрада, лезгинка, без которой не проходит ни одно культурное событие в республике, но и искусство многонационального народа. И к дагестанской народной песне она внимательно прислушивается, находя в ней интонации, берущие за душу, когда тебя трогают искренность, мелодии, пришедшие из древности, если даже не понимаешь языка.

Певица воспринимает на слух непривычные диссонансные ноты, на уровне подсознания ощущает гортанную глубину и одновременную напевность. И ее попытки испробовать новый для себя жанр национальной песни, да так, чтобы слушатель не почувствовал акцента исполнителя, по мнению продюсеров, удачны и вызывают интерес. А она уверена в том, что исполнитель обязан не только профессионально копировать речь, но знать перевод текста, историю народа, на языке которого она поет. И вспоминает, как в Египте, когда она в караоке пела на итальянском языке, подошли туристы, заговорили по-итальянски и удивились, что певица родом из Украины.

– Исполнитель точно должен знать, что непрофессионализм начинается с досадных ошибок. Для меня участие в дагестанской

группе «Джислам» стало школой национальной эстрадной песни. Репертуар самый разнообразный, – делится Юля, – и поем мы на многих дагестанских языках, а это так интересно и помогает осмыслить уникальность дагестанской песни.

Я не могла не задать певице вопрос, каким она мыслит свое будущее, и стали Дагестан для нее близким, родным. Она смущается, стараясь избежать громких слов.

– Понимаете, – говорит она, – здесь я дома, я своя и забываю, что крыльцо моей хаты, мой сад, моя родина далеко отсюда. Конечно, скучаю по дочке, маме, но жизнь дагестанская не тяготит меня, я привыкла, и, как мне кажется, я здесь надолго. Певица не торопится рассказывать о своих планах, по-прежнему в ее голове мысли о том, чтобы помочь семье, живущей непростой жизнью. Нет, она не жалуется, считает, что грех сетовать на судьбу. И очень надеется, что на ее родине воцарятся мир и покой. Ведь так было до тех пор, пока не произошел противоестественный, ненормальный развал страны. На Украине перестали работать заводы, некогда выпускавшие КраЗы, пришли в упадок сталелитейная, вагоностроительная отрасли. Страна оказалась в тяжелейшем положении. Вот тогда-то и пришлось многое пересмотреть в жизни. Конечно же, Юля уверена в том, что рано или поздно исчезнут ненависть, искусственно разжигаемая межнациональная рознь. Оптимизма ей не занимать!

У молодой певицы в Дагестане уже много друзей, но еще больше – творческих планов. И что-то нам подсказывает, что мы еще не раз услышим имя Юлии Горбатенко.

– Я родилась в СССР, – говорит она, – и мне одинаково близки и Украина, и Россия. Я говорю на русском, но и «мова» для меня родная...

Напоследок она спела удивительно лиричную песню. Она несла в себе силу, умиротворение, надежду на будущее.

Айшат ТАЖУДИНОВА

*Пою я на многих дагестанских языках,
а это так интересно...*

